

Константин Бальмонт

В РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ

Поэма о России

УЙТИ ТУДА

*Уйти туда, где бьются струи.
В знакомый берег,
Где знал впервые поцелуи
И первый снег,
Где в первый раз вошел подснежник
На крутом,
Где, под ногой хрустя, валежник
Пропел стихом.
Где звук жужжания первой мухи,
В конце зимы,
Как луч в дивующемся слухе,
Разъял все тьмы.
Где ярким сном былинной были
Нам громы вдруг
Молниеносно тучу взрыли,
Как черный луг
Из тучевого луга книзу,
Решив: «Пора!»,
Метнули злата в Божью ризу
И серебра.
Уйти – уйти – уйти – в забвенье.
В тот вспев святой,
Уйти туда – хоть на мгновенье,
Хотя мечтой.*

ХОЧУ

Хочу густого духа
Сосны, берез и елей.
Хочу, чтоб пели глухо
Взвывания метелей.
Пастух пространств небесных,

О, ветер далей Русских,
Как здесь устал я в тесных
Чертах запашек узких.
Давно душа устала
Не видеть, как цветками
Дрема владеет ало
Безмерными лугами.
Пойти по косогору,
Рекою многоводной,
Молиться водам, бору,
Земле, ни с чем несходной.
Узнай все страны в мире,
Измерь пути морские,
Но нет вольней и шире,
Но нет нежней – России.
Все славы – мне погудки.
В них душно мне и вязко.
Родные незабудки –
Единственная сказка.
Ребятчи мне игрушки –
Красоты, что не наши.
Напев родной кукушки –
Вино бездонной чаши.
Уютной, ветхой няни
Поет жужжанье прялки.
Цветут в лесном тумане
Ночные нам фиалки.
От Севера до Юга,
С Востока до Заката –
Икона пашни, луга,
Церковность аромата.
Пасхальной ночи верба –
Раскрывшаяся тайна,
Восстанье из ущерба
Для жизни, что бескрайна.
Лишь тот, кто знал морозы
И вьюжное круженье,
Войдет в такие грозы,
Где громы – откровенье.
Лишь нами – нами – нами
Постигнуто в пустыне,
Как петь колоколами
От века и доньне.
Кто жаждет благолепий,
В чьем сердце звучны хоры,
Тому – от Бога – степи,
Ему – леса и горы.
Хочу моей долины
И волей сердца знаю,
Что путь мой соколиный –
К Единственному Краю.

ЗНАК

Как знак, Олег свой щит прибил к вратам Царь-Града.
Пусть на мгновения простерты в прахе мы,
Наш самый жаркий луч храним в снегах зимы,
И наш июльский луг – цветная пышность сада.

Судьба сковала цепь. Мертвящая ограда
Стеснила весь наш край глухой стеной тюрьмы.
Но Солнце медное плывет из черной тьмы,
Чтоб брызнуть золотом, как час решит: «Так надо!»

Трехцветным знаменем оваян Океан,
Где льды плавучие и белые медведи,
Мы Море теплое причтем к своей победе.

Так решено в веках. Нам будет миг тот дан.
Нам говорит герой, весь кованый из меди,
Что Имя Русское – глубинный талисман.

БУБЕН

В медный бубен ударяя,
Звонко сокола он пел.
«Птица-пламя, птица-злая,
Птица-Солнце, сокол смел.

Он в горячем перелете
Сразу небо пресечет.
С ним добыча на охоте –
В полный месяц – полный счет

Месяц – срезанная щепка –
Счет добычи без него.
Бьет он метко, бьет он крепко,
Не пропустит никого.

Он не долго ведал руку,
Призакрытый клубучком.
Знает меткую науку –
Гроном падать над врагом.

Заяц рябью метит тропы,
Путь для цапли – вышина,
Ветер – в беге антилопы,
От него им смерть – одна.

Голубь гулил-тикал-токал,
Млел – что синь на ярлыке.
Чуть мелькнул мой белый сокол,
Голубь – вот в моей руке.

Не продам я птицу эту,
Дорожишься, путник, зря.
Он был послан Баязету,
В выкуп Франкского царя.

Кубла-Хан перелукавил
С ним – три тысячи лисиц.
Сам Персидский шах восславил
Хватку-молнию меж птиц.

Впился в Индии он с маху
В крепковью кабану.
Ты даешь мне денег? Праху?
Лучше я продам жену».

Так Киргиз напев сугубый
Вдруг нашел, чтоб мне пропеть.
И, смеясь, белели зубы,
Златом в бубне рдела медь.

Зыком в небе многотрубно
Вскликнул голос журавлей,
Звуки песни, всплески бубна
Воскрылялись все светлей.

Зависть к дикому Киргизу
Я учуял, весь горя,
В час как в огненную ризу
Облеклась в степи заря.

РУСЬ

В сердце чувство древней были,
Быта, бывшего века,
Звон лесного родника,
Трепет вьющих воскрылий,
Достиженья без усилий.
Силой зрящего зрачка,
Силой радованья воле.
Лес мне выкорчевать, что ли?
Весь? Дремучий? Древний? Что ж!
Мне для хлеба нужно поле.
Лес – богатство. Лес – хорош.

Да простор получше, вдвое.
Нужно поле мне ржаное
И надречный строй станиц.
Степь нужна для лета птиц.
Отодвину вечевое
И немотное, лесное
Царство белок и куниц.
Я хочу не тропок тесных,
Не одних лесных криниц,
Это мне давно знакомо –
Повсеместно быть как дома
И нигде не быть в дому,
В доме – в гробе. Жить ли в склепе?
Этот жребий слишком строг.
Я люблю разбег дорог.
Манит степь? А я за степи!
На утесистый отрог.
Кличет друга гулкий рог.
А когда мой зов не брата
И не друга пробудил, –
А когда орла орлята
Воплем кличут к мере сил,
Ринусь я на супостата,
Он ли, я ли, но со ската
Путь – до пропастных могил.
И широко, и богато
Раскрывается простор.
Синь, синее дальних гор,
Даль, воздушней, зеленее,
Чем ветвистая затея,
Что засеял гулкий бор.
Тоже чащи, но иные,
Пеной венчаны, сквозные,
Изумрудный блеск и хор,
Вал за валом, клонят выи
И заводят разговор,
Говорят, что, кто в просторе
Сердцем все завоевал,
Должен день свой бросить в Море,
Ночью в сердце примет вал.
Так, я – Русь. И все я знаю.
Русский в чем же не бывал?
Как от края неба к краю,
Разрезая бирюзу.
Мчится молния в грозу,
Я у самого Царь-Града
На вратах прибил свой щит.
Но того ли Руссу надо?
Он не этим знаменит.
Впивши сглаз и клич пространства,
Крылья сокола легки, –
Брал я рубище в убранство,

Мерил сердцем постоянство
Покаянья и тоски,
Власть – в себя простор вместившей –
В крестном знамени застывшей,
Укротившейся руки.
Знаю я, побывши в гуле,
За седьмой чужой горой,
Как собирать в единый улей
Розных пчел мохнатый рой, –
Как, подпав под вражки ковы,
Заглянув далеко в даль,
Опрокинуть рок суровый
Волей верною как сталь.
Да, я Русский. Знаю иго,
Что сцепляет триста лет.
Знаю мощь такого мига,
Что, когда душой пропет,
Сразу тьмы и рабства нет.
Верю: Мне предначертанье –
Все изведать до конца.
Через пропасти страданья
К свету Божьего лица.
Полной чашей своеволие
Я во времени испил.
Час бежит. Мой час – бездолие.
Крепкий час мой – богомолье,
Накопленье новых сил.
И еще в прозрачном взоре
Есть упор и крепь стропил.
И еще увидят вскоре
Горы в каменном уборе,
Поле, степь и лес, и Море,
Мрак ли, свет ли победил.

ПОДВИЖНИК РУСИ

В глухом лесу, звеня, сосна,
Что выше и прямее ели,
Всегда победно зелена,
В ней знак свирели и кудели.

В смиренном цвете умудрен,
Небесного прозренья вежды,
Среди цветов провидец – лен,
Он ткач заветной нам одежды.

Среди бессмертных в славе рек,
Гудит в час вещим звоном Волга.
И вечен древлий древосек,

Верховного свершитель долга.

Смолистых свежих стружек дух,
Непререкаемое знание,
Он Божий зрак и Божий слух,
Благословение – дерзанья.

Исповедальная свеча,
Его – как звук кадила – слово,
Что пламень правого меча –
Свершенья Божьего основа.

Россия – Русь. И, если рок
Велел, чтоб налегла верига,
Судьбинный выполнив урок,
Пробей пролом в твердыне ига.

Из тихой бездны ветер мча,
Воссоздадим родные клетки,
И наша да горит свеча
В Господней мгле тысячелетий.

Великой Русской Пасхи свет –
От Неба принятое слово.
Святого Сергия завет
В руке Димитрия Донского!

КОЛОКОЛ

... Повеление положи и не мимо идет...

Гребник

Голос Господень в единой твердыне,
Гулом качается древле и ныне,
Возглас возрастающих великолепий,
Слышный и в темном подземном вертепе.

Кедры ли горные радостным звонам
Тайно не вняли в безгласьи зеленом?
Море ли синее, взбегами вала,
Гулам разгудным, гремя, не внимало?

Вечно неверные, шаткие люди
Не засвечались ли в праздничном гуде?
Возгласам мерным, далеко звучащим,
Птицы внимали по стихнувшим чашам.

Колокол вылит из меди, из красной,
В ней серебра есть зазвон сладкогласный,

Слиты металлы в нем, воли в нем слиты
Все в нем копейки в свой час имениты.

Имя даятеля, пусть сокровенно,
Именем Бога гудит неизменно,
Благовест гулкий, звучащая чаша,
Дух наш, и путь наш, и Родина наша!

КРЕПЬ ГОРЬКАЯ

Я серею. Пыльная. Не злая.
Все же доброй быть мне не дано.
Брызни мною в хмель, – и я шальная,
Отравляя хлебное вино.

Путники тоскуют в бездорожьях,
Я качаюсь молча на степи.
Друг до друга молвят дети Божьи: –
«Трудно жить. А ты, брат, потерпи».

На степях безрадостно расту я.
Дуя, ветер свищет: «Не неволь!»
Солончак мерцает, зло колдуя,
Земь; но сушь, и выцветает соль.

Слышала я слово от шайтана,
Будто я в расцвете хороша.
Пчелы не со мною утром рано,
Меду я не выдыхну, дыша.

Слышала я клич: «Сарынь на кичку!»
Хохот. Гик. Ватаги буйной гул.
Видела, как птичку-невеличку
Беркут, хан орлов, скогтив, сглотнул.

А потом, с гортанным зычным словом,
Половчанин беркута убил,
И стрелу пером тем беркутовым
Оперил к разгрому Русских сил.

И погнали связанных в неволю,
Спотыкались в путах мал и стар.
И росла по Дикому я Полю,
Через степь смотрела на пожар.

Что вчера? Что завтра? Я не знаю.
В сор один все мысли сплетены.
Я во сне, без меры и без краю,
Вопли пытки в рокоте зурны.

Чуть Луна ущербленной горбушкой
Глянет, – Сатанинский кончен пир.
Где-то лес. Весна с лесной опушкой.
Степь и крышка неба – весь мой мир.

Конь проскачет. Ржанье пронесется.
Вьется, бьется, к листьям жметя пыль.
Как же Божьим деревом зовется
То же, что зовется чернобыль?

Путника хочу предостеречь я: –
Божий ратник, шествуй в мир святынь.
В горьком – крепь. И крепость есть злоречья.
Но меня не трогай. Я полынь.

РУСЬ

Русь, Россия,
Все морские,
Все лесные чары в ней.
Полевые,
Луговые,
И степные. Ты о ней
Говори,
Не умолкая,
Вплоть до мая целый год.
Русь такая,
Что, сверкая,
Всякий счет перетечет.
Мы упали,
Не из стали.
Путь кончали – как рабы.
Мы устали
От печали,
Мы в опале у Судьбы.
Ну же, ну же,
В сильном муже
Нужно крепче нить крутить.
С тетивою,
С луком, к бою,
Ткань укрою в златобить.
Лук каленый,
Конь ядреный,
Он попоной облечен.
Знает скоком
Быть в далеком,
Знает видеть вещей сон.
Чаша быта,

Знаменита,
Вся разбита на куски.
Жив громило,
Наша сила
Блеск замглила, – угольки.
Ну и что же?
Вышний Боже,
Как похожи явь и сон.
В веке старом
Тем же ярым
Я пожаром был сожжен.
Ах, верига
Плена, ига,
Эта книга тяжела.
Не кляню я: –
Мысль, тоскуя,
Эту летопись прочла.
Там над Калкой
Час был жалкой,
Я фиалкой стал в лесах.
Жил взрослая,
Расцветая.
Сила злая? Где ты? Прах.
Были Ляхи,
Были в страхе
Все размахи сил моих.
Ну, из Польши
Что же больше
К нам придет? Лишь звонкий стих.
И от Сены
Брызги пены
В наши стены путь вели.
Бита карта
Бонапарта.
Кто пылинка, тот в пыли.
Русский, кто ты?
Русь, русло ты,
Улей, соты, мед густой.
Не весталка,
Срыв и балка,
И русалка над водой.
Ах, русалий
Смех из дали
Мы узнали так давно.
Вновь заманим,
Затуманим
Всей Судьбы веретено.
Сердце славит,
Не лукавит,
Сердце плавит в нас руду.
Час похмелью.
Мы метелью

Разнесем свою беду.
Русь, Россия,
Ты – стихия
Перебора вечных сил.
Час износишь,
Клочья сбросишь
И попросишь ты – кадил,
Это – было.
Власть кадила
Освятила златокруг.
Смолкнут стоны,
Перезвоны
Поплывут в зеленый луг.
Эй, степные!
Эй, лесные!
Будет выи вам сгибать.
Сине-Море
В гулком хоре
Вторит: «Вольным – благодать!»

БЫЛЬ

Перелет орла над степью в вышине,
Мысль упорная в сознании там на дне.
Перескок копыт по степи и ковыль,
Взор Петра и бег Мазепы, это – быль.

Ветвь лихая от распиленного пня,
Красный пламень убиения и огня,
Слово Курбского – и Грозного костыль,
Взгляд слуги в царевы очи, это – быль.

Не убивший оземь, жизнь прикрывший снег,
Славянином пораженный Печенег,
До Царь-Града – Руси Южной вскрик и пыль,
Мудрость Ольги, щит Олега, это – быль.

Чем я дальше от сегодняшнего дня,
Тем полней завет свершенья для меня.
Чем я ближе к корню Русских наших дней,
Зов Славянского дерзанья мне слышней.

Звук сегодня – лишь машин незрячий рык,
Но поет и светит Русский мне язык.
Обнял он просторы двух материков,
Он исторгнет Край мой Отчий из оков.

Верю в озимь, ей не страшен лед и снег,
В звонкий бубен, в щит свой сталью бьет Олег.

Я увижу там в бескрайности ковыль,
Воля сердца претворяет мысли – в быль.

РУСЬ

... Нет, так любить, как Русская
душа всем, что ни есть в тебе –
а... Нет, так любить никто не
может.

Гоголь. Тарас Бульба

Теперь, когда родимый свет погас
За синими далекими холмами,
Ты – знаменем неколебимым с нами,
Провидящий бестрепетный Тарас.

Ты знал, что к нам придет предельный час,
Глумятся недоверки в нашем Храме,
Но грозы Русский дух крепят громами,
И молча мы из молний ткем наш сказ.

В нас голос зова: «Помни о России!»
И клич, где скрытый пламень: «Будь готов!»
Тарасов след. Костры сторожевые.

Придет наш час. Погнутся вражьи выи.
И, волю слив с волной колоколов,
Россия – с нами – станет – Русь – впервые.

ЗАВЕТ ПРАЩУРОВ

Копье, стрела, чекан, секира,
Булатный меч,
Как хороши вы в утре мира
И первых встреч.
Назвавши вас, я вижу зверя,
Чей грозен вой,
И человек, свой дух с ним меря
Взнес облик свой.
Вспомня вас, я вижу поле,
Из края в край,
И две ликующие воли.
Живи. Играй.
Умей сразить единорога,
Возьми свое.
С Белбогом ты, на Чернобога

Наметь копьё.
Умей на стан метнуться станом,
Как лес телег.
И что Татары с гордым Ханом?
Что Печенег?
Они лишь снились нам когда-то,
Во мгле веков,
Чтоб наша кровь была богата
Отвагой снов.
А если волей Чернобога
Ты знаешь плен,
Крепись, хотя и мысли строго,
Уйди из стен.
Читай в ночи к созвездьям мира
Молитвы вслух.
Служила пращурам секира,
Тебе – твой дух,
Коль в бурях ты упорен, смелый,
Душа твоя –
Отсюда – жалящие стрелы,
И свист копья.
Стоокой мысли бей чеканам
Слепую тьму, –
Проснешься снова с днем румяным
В своем дому.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

На взмахе камня всадник медный
Приподнял резвый взмах коня,
И смотрит в небо лик победный,
В нем солнце будущего дня.

Мы знали много поражений,
Предельную растрату сил;
Но наш исконный взрывный гений
Из бездны к выси нас взносил.

Рука, которая умела
Держать такие повода,
Велит глядеть нам в пропасть смело
И знать, что нас ведет Звезда.

Четыре конские копыта
На взмахе камня – нам завет,
Что будет вся беда избыта,
Что вспыхнет, брызнув, пламецвет.

И жду. Да вспрянет конь летучий,

Топча извивную змею.
Да узрю светлую над кручей
В лучах Избранницу мою.

К КАЗАКАМ

Кзаки, хранители Юга,
Властители вольных степей,
Душой до казацкого круга
Иду с челобиткой моей.

Кзак – полновольная воля,
Кзак – некрушимая крепь,
Его забаякала, холя,
Вся южная Русская степь.

Содружеству – святость закона,
Содруга нигде не покинь,
Цветущего Тихого Дона
Веселая, вольная синь.

Кзак – безоглядная доля,
Днепровский о брег водомет,
Чрез долгое Дикое Поле
Всей конскою мощью полет.

Во имя Родимого Края,
И Веры, чья цельность строга,
Орлов длиннокрылая стая,
Орлиный налет на врага.

Не чужды мне ваши пределы,
Явите мне правду и суд,
Бесстрашным был ратником, смелый,
Мой прадед, херсонец, Балмут.

Я с зовом казаки к вам, с зовом,
Услышьте зовущий напев,
Из дома с разрушенным кровом
Унес я негаснувший гнев.

Наш Край – под пятой иноверца,
Зажжен нечестивый пожар, –
Зачем же до вражьего сердца
Орлиный не рухнет удар?

Бесовские сильны твердыни,
Но в нас он, Отцовский наш Край,
Господь не иссяк и доньне,

Кто любит Россию, дерзай.

Довольно нам чуждого праха,
Готовьте могучий размах: –
Кто держится чарою страха,
Метните в них губящий страх!

ВЕНЦЕНОСНАЯ

Венценосная тень предо мной проходила во сне,
И, венец пронося, прошептала, что жемчуг тот мне.
Для меня – в жемчугах и в огне золотой ободок,
Только нужно свершить три свершенья в короткий мне срок.
И одно – чтоб до полночи целый мне мир облететь,
Превращая повсюду в червонное золото медь.
И другое – чтоб я до зари, до вторых петухов,
Ожерелье спаял – все из лунных серебряных слов,
И последнее, третье – чтоб к третьим я был петухам
На заре сам зарей – и тогда с нею вступим мы в храм.
Подарить мне все царство свое обещалась она
И колодец, где мудрость – без грани и счастье – без дна.
Венценосная тень подарить мне хотела – себя,
И нельзя было сердцу глядеть на нее – не любя.
В сердце вспыхнул обжог, напряженная сладость тоски,
Засновали кругом и сложились в ковер огоньки.
На летучем ковре я сквозь мраки весь мир облетел,
Всюду медь стала золотом, мир – золотой стал предел.
Распросив соловьев, на черте соловьиных садов,
Я спаял ожерелье из лунных серебряных слов.
Стала легче дышать напряжением сжатая грудь,
Среброкованный Серп из-за гор показался чуть-чуть.
И как первый петух возвестил мне двенадцатый час,
Я весь мир заковал в золотой, в огнеблещущий сказ.
И как слышалось пенье предзорных вторых петухов,
Я качал ожерелье из лунных серебряных слов
И уж только хотел – до зари – я сверкнуть как заря,
От морей до морей загудела печаль, говоря...
Закачалась тоска, как дремучий безвыходный лес,
Золотой ободок, мне маячивший в даях, исчез.
И набатом слышался третьих тут велев петухов,
Разорвалось мое ожерелье серебряных слов.
Растопилось все золото, брызнув к небесным краям:
И багряная медь потекла по закраинам ям.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Из всех нам рассказов желанней и слаще
О первой любви рассказ.
В ней звук небывалый и свет настоящий,
Колодец бездонный единственных глаз.
Из всех многозвездных сверканий и гроздий
Вечернюю – первую – любим звезду.
Кузнец, чьи – для Святков алмазные гвозди,
Декабрь наш – двенадцатый месяц в году.
Чтоб вникнуть в скрижали
Гаданий и снов,
В ночи мы избрали,
Издравле, из дали,
Двенадцать часов,
России, чьи мощны и чащи, и реки,
Чьи горы небесный прорезали свод,
Вещанье навеки –
Двенадцатый год,
Что Рим мне! Что Галлы! Что рьяная Спарта!
Свечой мы копеечной были сильней.
В игре тут была ворожебная карта.
Россия – Москва – приняла Бонапарта
Такой безоглядностью ярых огней,
Что побыл в Москве – и закончен был в ней.
Пыланьем того рокового пожара,
Тем вскрытием льда, всеразлитием сил,
Как Божьим напитком, наполнилась чара,
Которую Пушкин ребенком испил,
И в отроче пламень так жгуче был явен,
Что, чуть просвирелил он первый свой вздох,
Как сонный мгновенно проснулся Державин,
Почуяв, что снова с Россией Бог.
Сгорели. Воскресли. И было так надо.
И снова. Но где же из пепла исход?
Когда опрокинем на воинства Ада
Двенадцатый год?

НАД ЗЫБЬЮ НЕЗЫБЛЕМОЕ

Шумит, шуршит и шелестит
Шипучий вал, свой бег свершая.
Шершав шатучей влаги вид,
Вода морей, она чужая.
Не пролепечет ручейком
Ту сказку воркотливой няни,
В которой с чудом ты знаком,
Вступая в мир по светлой грани.
В воде морей и нет реки,
Хоть в Море все впадают реки.
А как шуршат нам тростники,

Когда любим мы – навеки,
Навеки милое лицо
Любовью расцветет в апреле,
И от души к душе кольцо
Перескользнет под стон свирели.
Но эта летопись была
В родной глуши лесного края,
Где гуд густой колокола
Качают, в помыслы вливая.
Где в каждый день наш входит звон,
Ласкает Божья близость храма,
И лики темные икон
Овиты дымкой фимиама.
Но эта летопись цвела
В краю, где в зимний сон тягучий
Внезапно входит вздох тепла,
Под мартовской лиловой тучей.
Где Благовещение, – как дух
В полутелесной оболочке, –
От сердца к сердцу шепчет вслух:
«Дарите синие цветочки».
Где с выси солнечных зыбей
Нисходит тайна без названья, –
Где не стреляют голубей,
А нежно чтут их воркованье.
Но эта летопись была, –
Ее не предадим ущербу! –
Там, где, христосуясь, пчела
Целует золотую вербу.
И вот чужой мне Океан,
Хоть мною Океан любимый,
Ведет меня от южных стран
В родные северные дымы.
И я, смотря на пенный вал,
Молюсь, да вспрянет же Россия,
Чтоб конь Георгия заржал,
Топча поверженного Змия!

РАБОТНИЦА

... В пустыни Иоанна Крестителя
Твоего дивным медом воспитати
благоизволил еси...
Гребник

Познав, что дни проходят строго,
А не полетом мотылька,
Лишенный отчего порога,
Внимаю, как гласят века: –

Одна работница у Бога,
Что тайну поняла цветка.

Пчела с прозрачным легким звоном,
Пока в дыму кузнец кует,
Не меньше трудится по склонам,
Своим трудам теряет счет,
И по обителям зеленым
Душистый собирает мед.

Жужжит причастница расцвета,
Летит лобзальница цветка,
Вся в хлопотах весну и лето,
Ей жизнь трудна, ей жизнь легка,
И полный сот, богатство это,
У ней берет моя рука.

О, вестник – ангелу соседний,
Живи, пчела, летай, звучи.
Твой дар другой, твой воск – с обедней,
И Солнце льет в него лучи.
Мы провожаем в путь последний –
Гореньем восковой свечи.

ЗИМНЯЯ

И в яви, и во сне,
Я бусинки качаю,
В оснеженной стране,
Где всюду ветер с краю.
Здесь всюду белый вид,
Лишь с синеватым оком
Ворона пролетит
В безмолвии глубоком.
Да в снеге сея знак,
Ко мне проскачет близко,
Ведет свой след беляк, –
От зайца рукописка.
Мелькнет вдали мужик,
Вон розвальни, савраска.
И снова – дикий лик,
Одна лесная сказка.
На восемь долгих лун
Из облачной утробы
Доносится бурун
И громоздит сугробы.
И в поздний час, и в рань,
Среди ветров сугубых,
Везде деревья, глянь,

В пушистых, белых шубах.
Но оттепель была
Почти что здесь неделю,
Я бусинки сплела,
Их в ветре колыбелю.
Ты думаешь, я кто?
Волшебница какая?
Царевна ли? Не то.
Моя судьба иная.
Весь белый мой покров.
Старинной ели детка,
Боярышня лесов,
Лишь зимняя я ветка.

НЕЖУЖЖАЩИЕ

Сонмы летящих, какая в вас нега,
Воздухом спетый танцующий стих.
Белые пчелы с далекого берега
Облачных рек и озер снеговых.

Если б вы были в гремучем июле,
Вы бы сомчались стезей грозовой.
Ныне безгласный вас выпустил улей
Веющий, реющий, тающий рой.

ВЫСОКИЕ СУДЬБЫ

Высокие звезды,
Высокие судьбы,
С дорогой на тысячи лет.
И каждый пробег их
Ликующий праздник,
В лучистое пламя одет.
Не им ли молились
На башнях высоких,
Смотря в голубой небосклон,
Чтецы звездословья,
Которыми славен
Нетленный в веках Вавилон.
Не их ли узором
В бессмертном Египте
И вязью согласных их строк,
В Луксоре, в Карнаке,
В святилищах вещей,
Горит храмовой потолок.

Не ими ли спеты,
Под гусли Давида,
Такие столетьям псалмы,
Что вот и сегодня,
Под звон колокольный,
Их хором вспомнили мы.
О Страшном, что ходит
Один по высотам,
В горени неждешней красы,
Вещал богоизбранный
Иов и пытку
На звездные бросил весы.
Высокие судьбы
Разведаль в созвездьях,
Любовник пустынь, Бедуин,
Летя на арабском
Коне за самумом
В просторе песчаных равнин.
Самумом промчался,
Но в тысяче царств он
Взнесенную вскинул мечеть,
И в ночь правоверным
Поют муэззины,
Их голос – призывная медь.
А если ты духом
Морской и воздушный,
Спеша пересечь Океан, –
Везде звездочетов
Родных ты заметишь
Всемирно раскинутый стан.
В краях, где агавы
Цветут величавы,
Над гладью лагунной воды,
Громадой стоят
Пирамидные храмы
Во славу Вечерней Звезды.
И если ты хочешь
Бесплотных свиданий
В обители лунных невест, –
Дойди до оплотов,
Где кондор верховный,
Где Южный возносится Крест.
И если ты хочешь
Священных сказаний
О звездных зачатях, – читай,
Взглянув на великий
Подсолнечник мира,
Венчанный драконом Китай.
И если ты станешь
У чуждого берега,
У края гремучей воды, –
Припомни свой Север,

С единым недвижимым
Престолом Полярной Звезды.
И в час прорицаний,
В час полночи вещей,
Свой дух в среброткани одень.
К пределам желанным
Помчит тебя быстро
Твой северный Звездный Олень.

ИВА

Чуть-чуть под ветром качалась ива,
Пчела жужжала и налету,
Замедлясь, мед свой пила счастливо,
Затем что ива была в цвету.

Потом Июль был. Горели тучи.
Был громоносный над миром час.
И ветер пьяно пропел шатучий,
Что и плакучей – удел есть пляс.

Потом, как клином вверху летели,
Серея, гуси и журавли,
Я срезал ветку, и звук свирели
Пропел, что счастье мы все сожгли.

Пожар по лесу разлился жгучий,
И строил ветер свой посвист-свист.
А ветви ивы чредой плакучей
Роняли в воду текучий лист.

И дымный, зимний, весь хрусткий воздух
Велел на тело надеть тулуп.
Для тех, кто сеял, у печки роздых,
А кто не сеял – голодный зуб.

И вились вьюги, мелись метели,
Весь мир был белый разъятый зев.
Оцепенелый, я из свирели,
Как нить кудели, крутил напев.

А в свежем марте дохнули предки
Таким уютным родным теплом.
И опушились на вербе ветки,
И в прорубь неба собрался гром.

Копил он силу и нес апрелю
Из молний пояс для новых дней.
Смотрю в окно я. Смотрю. Свирелю.

Учись у Солнца смотреть ясней.

Как свежи в песне все переливы,
«Христос Воскресе!» всем говорю.
Пчела целует цветочек ивы,
А я целую мою зарю.

НАДПИСЬ НА КОРЕ ПЛАТАНА

Платан, закатный брат чинара,
Что ведал всполох наших дней,
Когда была полнее чара
И кахетинское пьяней.
Ты в Капбретоне знаменито
Простер шатром свою листву.
Но помню дальнего джигита
И мыслью о моем живу.
Мое – кинжал, копье и пушки,
Набег, где пленник мой – Шамиль,
И на Кавказе – юный Пушкин,
Чей каждый возглас – наша быль.
Мое – над Пятигорском тучи
И котловина диких гор,
Певучий Лермонтов над кручей,
Поэта – с Небом разговор.
Мое – среди сумрачных ущелий,
Гость Солнца в Грузии, я – сам,
Моя любовь, Тамар Канчели,
Чье имя отдаю векам.
Мое – от моря и до моря
Лука, поля, и лес, и степь,
И в перезвоне, в переборе,
Та молвь, где в каждом звуке лепь.
О, Русский колокол и вече,
Сквозь бронзу серебра полет.
В пустыне я – лишь вскрик Предтечи,
Но Божий Сын к тебе идет.

КОЛОКОЛЬЧИК

Чашей малою качаясь, говоря с самим собой,
Нежно впил глоточек неба колокольчик голубой.
Он качнет свой взор налево, сам направо посмотрев,
На земле намек на небо, колыбелится напев.
А с бубенчиками дружен, серебра зазыв живой,
Колокольчик тройки мчится по дороге столбовой.

Говорунчик, гормотунчик, под крутой дугою сказ,
Двум сердцам, чей путь в бескрайность, напеваёт: «В добрый час».
Что законы? Перезвоны легче пуха ковыля.
Что родные? Два живые, двое – небо и земля.
И уж как он, колокольчик, сам с побегом столь знаком,
Бьется в звонкую преграду говорливым язычком.
Коренник – как бык могучий, шея в мыле, пламя взгляд,
А встряхнутся пристяжные, – и бубенчики звенят.
И пером павлиньим веет, млеет шапка ямщика.
Как бывает, что минута так сладимо глубока?
В двух сердцах – один созвучный колокольчик-перебой.
Взор «Люблю!» во взор излился. Колокольчик, дальше пой.
Шире. Дальше. Глубже. Выше. Пой. Не думай ни о чем.
Солнце степь – всю степь – рассекло – как мечом – одним лучом.
Скрылись в солнце. И, качаясь, говорит с самим собой –
«Жив я, впив глоточек неба!» – колокольчик голубой.

НЕЖНАЯ ТАЙНА

Моей солнечной Нинике

Как не любить тебя? В горнице сердца, где все – сребробить,
Все – златоткань, мне желанно любимую тайну хранить.

Нежная тайна открылась мне в песне, звеневшей – тоской.
Берег в цветах был, но сердце хотело на берег другой.

Нежная тайна, и в зиму, и в стужу, светла и жива.
Вдруг засияет в серебряной иве, расцветшей едва.

В вербной субботе свечой пред иконой взнесет свой закон,
Взоры потупит – и вдруг в колокольный схоронится звон.

Ласточкой быстрой, летя, прощепечет о счастье гнезда;
Тучкою к тучке прижмется, примкнется, плывет череда.

Тихо скользнет в голубой колокольчик, лазурный качнет,
Звонкие пчелы, возьмите веселый – здесь в россыпи – мед.

Нежная тайна в березовой роще раскрылась в весне.
Тонкое жало в душе задрожало, скользнуло по мне.

Тонкий был очерк той девушки ясной, которой я ждал.
С птицами были, и хмельно испили хрустальный бокал.

Где же ты? Где же? Все реже и реже встаешь ты в судьбе.
Все мои мысли и все мое сердце – одной лишь тебе.

Что ж все теснее, короче те ночи в жерле черноты,

Где златоюной, под пенье, под струны, мне видишься ты?

Где же зарницы? Прилив огневицы? Играющий гром?
Серп Новолунный на Море дорогу пролил серебром.

Так ли дойду я, любя и тоскуя, до милой моей?
Где же дорога, ведущая строго к сверканию дней?

Дрогнули Спящей Царевны ресницы. О, жажда в крови.
Сила родная, от края до края восстань. Позови!

ЗАРУБЕЖНЫМ БРАТЬЯМ

Россия в Русском сердце – всюду,
Будь мы в раю или в аду.
Прими изгнанье – как беду,
Но воле верь своей и чуду.
Наш путь – к родному изумруду,
В свой час я в сад родной войду.
Пусть боль грозит мне отовсюду,
Пусть в грозной пропасти я буду, –
И в ней мне Бог дарит звезду.

С НОВЫМ ГОДОМ

От сентября до сентября
Мой старый год и год мой новый.
От своевольного царя
Иной ваш счет. А я не зря
От сентября до сентября
Свиваю нить моей основы,
В листе мне золотом конец,
В опавших листьях мне начало.
В багряной осени – венец.
Я отдыхаю, мудрый жнец.
И чу, синица, мой певец,
Хрустальным звоном зазвучала.
Бродяга-ветер у ворот,
Но крепко заперты амбары.
Зерно к зерну – вернейший счет
Того, что было, что придет.
В знак году новому – не лед,
Зерно дает мне год мой старый.
Святыня ржи, овес, ячмень
И россыпь желтая пшеницы –
Мой годовой свершенный день,

Мой старый год – немая сень
Над замиреньем деревень
И улетающие птицы.
По льду люблю я быстрый бег,
Порошу первую и сани.
Но старый год мой, полный нег,
Пред тем как выбелить свой снег
И долгий мне сковать ночлег,
Являет весь размах сверканий.
Последним годовым огнем
Леса он превращает в терем.
Заморским сыплет янтарем
И в землю брошенным зерном,
Его мы озимью зовем
И ей мы в перезимье верим.
В знак году новому горя,
Он яблоч дал мне в кладовую.
В них благовонная заря.
Ранет. Антоновка. Не зря,
Я славлю злато сентября,
В багряности благовествую.
Рубин анисовки красив.
Кусни. Тут прямо – губы в губы.
Арабка. Восковой налив.
Фонарик, диво между див.
От яблоч я душист и жив.
Я не Адам. Мой рай – сугубый.
Огонь и в поле, и в избе, –
Поет о сентябре былина.
Но есть ущерб в его судьбе,
И кем-то молвлено в журьбе: –
Одна есть ягода в тебе,
И та – лишь горькая рябина.
Кто это молвил, очень прав,
Но речь его скользнула с краю.
Находчив деревенский нрав.
И, для продления забав,
С огнистым горькое смешав,
Рябиновку я наливаю,
Итак, вы видите, не зря
Здесь ходит стих мой скороходом.
Но что ж? Не рознь календаря,
А дух един – для нас заря.
Тесней. И, жизнь боготворя,
Воскликнем дружно: С Новым Годом!

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Первый весенний дождь,

Звон-перезвон по листьям,
Воздух березовых рощ,
 Строится новый храм.
Если мне майский жук
Гудную песню сплет,
Сладость в том тайных наук,
 Песни созвучной взлет.
Если, как мельник мукой. –
Вдруг я увижу, – пчела
Вся увалилась пылью,
 В сердце растает мгла.
Если под крышей моей,
В домике тесном, в ночи,
Ласточка нянчит детей,
 Грусти скажу: «Молчи».
И махаон на укроп
Сядет, крылами дрожа,
Вмиг я постигну, что гроб
 Это не смерть, – межа.
В куколке ты подожди,
Милый, покинувший нас, –
Если ты умер, иди
 В радостный, в вечный час.
Если не умер, молю,
Время разлуки продли, –
Верь моему кораблю,
 Буду не век вдали.
Птицы от Юга летят
Снова на Север родной,
Солнцем наполнен мой взгляд,
 Будь для меня Луной.

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАРУБКИ

В день Сретенья зимы с весною
 Под снегом вздрогнула земля,
И, волю струнному дав строю,
Бродил я срывною горою,
 Весну грядущую хваля.
«Люблю! Как птица я с тобою!»
 Я пел второго февраля.

А в день за песнею девятый
 День Власья праздновали мы.
И дух мой, звуками богатый,
Смеялся, вольный и крылатый,
 При виде странной кутерьмы: –
Слуга зимы – мороз рогатый,
 Но сшиб наш Власий рог с зимы.

А там пойдет на Евдокию,
А там и жаворонки к нам.
Я говорю: Не верьте Змию.
Верь в Солнечную Литургию,
Весна лучом резнет по льдам,
И вешнюю вернет Россию
Неизменяющим сынам.

В день Благовещенья нам зори
Протянут свечи с высоты.
И на коне, как снег, Егорий,
В лугах, в лесах, на склонах взгорий,
Засветит новые цветы.
Россия, расцветешь ли вскоре?
Хочу, чтоб вся запела ты.

АУ

От постели к окну,
Чтобы слушать весну.
Как она за окном
Говорит соловьем.
«Кто со мной? Кто со мной?»
Среброкованный звук.
Со стозвучной весной
Знаешь смысл потайной
Всех тончайших наук.
«Кто со мной? Кто со мной?»
Ходы светов волной,
Ходы рыб в глубине,
Клады счастья на дне.
Звезд певучий узор.
И на всех, кто в бреду,
От лазури – убор,
От созвездий – печать.
Вот сейчас я пойду
На «Ау!» отвечать.
Где мне встать в череду?
Где я радость найду?
Но кричит коростель: –
«Уходи-ка в постель!
Разве долю мою
И свою ты сравнишь?
Я тревожу всю тишь.
Я бегу и пою.
Ты лежишь и грустишь!»

ЗАКЛЯТЫЙ ДОМ

Стропила, кровля, гребень, скат,
Чердак, весь дом, в подпольи клад.
Из труб к высотам голубым,
И днем, и ночью, всходит дым.
 В покоях зыбкая игра
 И золота и серебра.
 Во всем строении размах.
 Но в лик его заложен страх.
Немые окна высоки,
На них резные петушки.
На кровле, утомляя слух,
Железный вертится петух.
 Чуть ветер к кровле припадет,
 Как будто лед разрежет лед.
 Чуть ветер сделает загиб,
 От петуха железный скрип.
Ворота вечно заперты.
В саду колючие кусты.
Вкруг сада – кольчатый забор,
Узليстых змей сплошной узор.
 В аллеях – только медный бук,
 И каждый сук – как выгиб рук.
 Сквозь темень листьев – крови след.
 Дерев зеленых в саде нет.
В конюшнях кони. Тихо там.
Лишь слышно ржанье по ночам.
Всю ночь там в конском скоке двор,
И топот, бег во весь опор.
 Но, чуть придет рассветный час,
 Малейший звук затих, погас.
 За целый день лишь черный дым
 Живет, всходя столбом густым.
За целый день, как молвь старух,
Железный скрип, скребет петух.
А ночью вновь, из края в край,
И конский храп, и песий лай.
 Кто строил этот странный дом?
 И кто живет, безумный, в нем?
 В ночи по лестницам шаги,
 К врагам спускаются враги.
Врага выслеживает враг,
Лукав цепляющийся шаг.
Крадутся, ждут, идут, следят,
И в остром взгляде тонет взгляд.
 Придет ли в жуткий дом восход,
 Законный Солнца оборот?
 Придет ли в царство странных бед
 Неукоснительный рассвет?

Средь обезумленных палат
Заговорит ли тайный клад?
Ворота вскроют ли простор?
Змеиный рухнет ли забор?
 Как вдоль дорог, при свете дня
 Прозрачен стук копыт коня.
 Как правда жизни хороша,
 Когда к душе идет душа.
И в медном буке, нет, не кровь,
А пурпур может вспыхнуть вновь.
И дуб, вещая, в свой черед,
Зеленым шумом запоет.

СТЕПНОЙ ОРЕЛ

Степной орел присел на холмик, над ходом в землю – путь сурка.
Угрюм и зол. Все слишком близко. Он любит видеть свысока.

Смотреть привык он из далекой, спокойно-синей высоты.
А тут лишь пыль да трав зачахших горбом глядящие кусты.

Скрутившись, перекасти-поле взметнется тут, подпрыгнет там.
Как будто узел змей иссохших за ветром мчится по пятам.

Была весна и было лето. Шумел прилет несчетных птиц.
Довольно он напился крови. Проворно падал сверху ниц.

Кому даны такие крылья, и зоркий взор, и острый клюв,
Тот в пасть вонзает когти с маху, с высот на нижнее взглянув.

Была весна и было лето. Цвела вся степь и вся земля.
Но Солнце выжгло все просторы, спалило море ковыля.

Недвижно-мрачен беркут серый. Не царский кус – степной байбак.
Мелькнет свистун и тотчас в нору, завидя орлий грозный зрак.

Не царский кус – пустая пташка, что вынырнет с своим «Чивит»,
И в никуда из ниоткуда летучей мышью улетит.

Но вот, на миг коснувшись пыли, он вспомнил вдруг свой нрав орла.
Раздвинул беркут тень излучин, раскрыл два мощные крыла.

Гортанный клекот. Свист полета. И орлий дух горит светлей,
Наметив летом тругольник плывущих в небе журавлей.

ЗДЕСЬ И ТАМ

Здесь гулкий Париж и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведомый лад.
А там на черте бочагов незабудки
И в чаде давнишний алкаемый клад.

Здесь вихри и рокоты слова и славы,
Но душами правит летучая мышь.
Там в прянном цветеньи болотные травы,
Безбрежное поле, бездонная тишь.

Здесь в близком и в точном расчисленный разум,
Чуть глянут провалы, он шепчет: Засыпь.
Там стебли дурмана с их ядом и сглазом,
И стонет в болотах зловеющая выпь.

Здесь вежливо холодны к Бесу и к Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу,
Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом там.

Я РУССКИЙ

Я Русский, я русый, я рыжий.
Под Солнцем рожден и возрос.
Не ночью. Не веришь? Гляди же
В волну золотистых волос.

Я Русский, я рыжий, я русый.
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал для кадил.

Я рыжий, я русый, я Русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я – тропинкою узкой,
Приду – как широкий рассвет.

ДОДНЕВНЫЙ ЗНАК

Волнуй себя, яри себя, свирепь,
Напрасная сумятица столицы, –
Тебя сильней полет единой птицы,
В чьих крыльях власть, и страсть, и мощь, и крепь.

Ковыль свою качает благолепь,

Прилетных журавлей кричат станицы, –
И дух читает вещие страницы
Из книги, называющейся степь.

Тускнеет мысль в задымленном вертепе.
В безбрежном – для души додневный знак.
Под крышей все не то и все не так.

В ограде – в аде. В душном доме – в склепе.
В безгранном разверзает дух свой зрак.
И вот плывет. За голубые степи.

ПРЕДЕЛЬНОЕ

Травы расцветали,
Травы отцветали,
Травы доцвели.
В ветре закрутились,
Скомкались в пыли.

На степи дордевшей,
Тускло пожелтевшей,
Посвист ветровой: –
«Ты ли это, ты ли,
Смех и радость пыли,
Стебель неживой?»

Круглое сцепенье,
Лепь и шорох тленья,
Те же сны не те.
Миг предельный в доле,
Перекасти-поле,
Пляшет в пустоте.

С ТИХИМ ВЕЧЕРОМ

С тихим вечером в разладе...
Аглая Гамаюн

С тихим вечером в разладе
Как душою быть могу,
Если я в вечернем саде –
На заветном берегу?
 День уходит – как предтеча.
 С отсеченной головой,
 Что до Ангельского Веча

В бездну бездн – идет живой,
Самый Ирод в жутком чуде
Вдруг утратил все слова: –
На округлом рдяном блюде
Крестоносца голова.

От нее уходят в Вечность

Златокрасные лучи.

Ночь готовит звездомлечность.

Ты – гляди. И ты – молчи.

Саломея! Саломея!

Жадной пляске только час.

Только миг соблазнам Змея,

Крепче ткется звездный сказ.

Тихий вечер – с Вечным в ладе,

Клонит цветик чашу ниц.

Ходит ветер по ограде,

Как дремота вдоль ресниц.

Но иные есть ночные,

Ввысь глядящие цветы,

Что восходят неземные

До неведомой высоты.

Вон их взбеги, спорь не спорь я,

Спорь не спорь ты, говоря,

От излучин лукоморья

До криницы, где заря.

Листья, ветви, чащи, кущи,

Дремной чары перелет.

Громной силы в темной гуще

Ночью молния испьет.

Опрокинулось – что было

В многоцветных нитях дня.

Тайновидческая сила,

Не покинь теперь меня.

Тучек легкие кочевья

Впили красный виноград.

Вплоть до звезд растут деревья,

Стал земной небесным сад,

Вечер к Полночи взнесенный!

О, Предтеча вдалеке,

С головою отсеченной

В звездоблещущей руке!

ОБЕТОВАНИЕ

Сомкни усталые ресницы,

На то, что было, не смотри.

Закрыв глаза, читай страницы,

Что светят ярко там внутри.

Из бездны ада мы бежали,
И Море бьет о чуждый брег.
Но заключили мы скрижали
В недостижимый ковчег.

Храни нетронутость святыни,
Которой перемены нет.
И знай – от века и донине
Нам светит негасимый свет.

Когда ж ягненок с волком рядом
Пойдут одну зарю встречать,
Вдруг разомкнется нам над кладом
Теперь сомкнутая печать.

ОБЛАКО

Мне снилось высокое облако,
Над ширью равнины загрязившей,
Оно разрасталось, взлелеяно
Дыханьем раскидистых гор.
Объемом плавучего острова
Оно возносилось округлое,
Руно возросло белоснежное,
Грозы подвенечный убор.

Мне снилось лиловое облако,
Готовое тешиться брызгами.
Над ширью равнины проснувшейся
Обрушился взрывами гром.
И вылилось целое озеро,
И капли алмазные прыгали,
И таяла ткань белорунная,
Грозы опрокинутый дом.

Мне снилось разъятое облако,
Пронзенное гордою радугой,
Над ширью равнины ликующей,
Над четкими гранями гор.
Возженье молитвы пред образом,
Дороги цветистые радуги,
Светильники с душами дружные,
Земли и небес договор.

ТРИНАДЦАТЬ

В тайге, где дико все и хмуро,
Я видел раз на утре дней,
Над быстрым зеркалом Амура.
Тринадцать белых лебедей.

О, нет, их не тринадцать было,
Их было ровно двадцать шесть,
Когда небесная есть сила,
И зеркало земное есть.

Все, первого сопровождая
И соблюдая свой черед,
Свершала дружная их стая
Свой торжествующий полет.

Тринадцать цепью белокрылой
Летело в синей вышине,
Тринадцать белокрылых плыло
На сребровлажной быстрине.

Так два стремленья в крае диком
Умчалось с кликом в даль и ширь,
А Солнце в пламени великом
Озолотило всю Сибирь.

Теперь, когда навек окончен
Мой жизненный июльский зной,
Я четко знаю, как утончен
Летящих душ полет двойной.

ЗИМА

В чертог Зимы со знаком Козерога
Вступило Солнце. Выпит летний мед.
Полет саней. Вся бархатна дорога.
Теченье рек замкнулось в звонкий лед.

Кора дерев, охваченная стужей,
Как дверь тюрьмы, туга и заперта.
Дом занесен. В нем долог час досужий.
В узорах окон звездный знак креста.

В трубе – орган. В нем ветром нелюдимым
Размерно сложен сумрачный хорал.
Дух солнечный восходит синим дымом,
Костер стодневный жарко запылал.

В березе белой солнечная сила
Запраталась, чтоб нас зимой согреть.
И пламя в печке пляшет цветокрыло,
Текучую переливая медь.

ДРЕМОТА

Задремал мой единственный сад,
Он не шепчет под снегом густым.
Только вьюга вперед и назад
Здесь ведет снегодышащий дым.
 Ты куда же стремишься, метель?
 Зачинаешь, чтоб вечно кончать.
 Ты для ткани какой же кудель
 Раскрутила – скрутила – опять?
Я по дому один прохожу,
Все предметы стоят в забвении.
От бессмертных полей на межу
Смотрят в прошлое мысли мои.
 Высоко – далеко – небосинь,
 Широко – широчайший простор.
 Занавеску в душе отодвинь,
 Рассвети мыслевнутренний взор.
Ты не сделал с собой ничего,
Что бы сердцем не сделал опять.
Отчего же кругом так мертво
И на всем снеговая печать?
 Только дымно мерцает свеча,
 Содвигая дрожащую тень.
 Только знаю, что жизнь горяча
 И что в Вечность проходишь ступень.
Отчего же, весь снежный, мороз
Наковал многолюдность преград?
Нет ответа на жгучий вопрос.
Задремал мой таинственный сад.

СОННАЯ ОДУРЬ

Что там в затишьи зеленых зыбей?
Между стеблями горящий клочок.
Зелье колдуньино, дикий репей,
 Ведьмин зрачок.
Все задремало. В лесах полутьма.
Только не дремлет Хозяин вверху.
Млеет под пнями кошачья дрема.
 Росы на мху.

Сон да дрема на кого не живет?
Только бессонны зеницы совы.
Правит седая бесшумный полет
Сверху травы.
Правит, направит, приметит, возьмет.
Сонная одурь. Весь сон не испит.
В синей стрельчатке скопляется мед,
Влит и разлит.
Ломок камыш. Серебрится излом.
Чаша кувшинки в ночи заперта.
Лес затянулся зеленым стеклом.
Дым от куста.
Где это деется? В сердце ль? Во сне ль?
Кто это? Что это кроет огнем?
Зовом приснившимся кличет свирель: –
«Вместе уснем?»
Дышит дрема. Обступил полумрак.
Срок восполняется. Зреет черед.
Ведьино зелье. Колдующий зрак.
Видит. Возьмет.

ОДНОЙ

Чую, сердце так много любило,
Это сердце терзалось так много,
Что и в нем умалывается сила
И не знаю, дойду ли до Бога.
Мне одно с полнотой не безвестно,
Что до Черного нет мне дороги,
Мне и в юности было с ним тесно,
И в степях размышлял я о Боге.
Гайдамак необузданной мысли,
Я метался по Дикому Полю.
Но в лазури лампы повисли,
В безрассудную глянули долю.
До какой бы ни мчался я грани
На какое б ни ринулся место,
Мне Звезда засвечалась в тумане,
Весь я помнил, что видит Невеста.
Отшумели, как в сказке, погони,
Больше нет мне вспененного бега.
Где мои распаленные кони?
У какого далекого брега?
По желанным пройду ли я странам?
Под пророческим буду ли Древом?
По моим задремавшим курганам
Только ветер летает с напевом,
И вращенье созвездий небесных
Подтверждает с небесного ската,

Что в скитаньях моих повсеместных
Лишь к Одной я желаю возврата.

ОСЕНЬ

Я кликнул в поле. Глухое поле
Перекликалось со мной на воле.
А в выси мчались, своей долиной,
Полет гусиный и журавлиный.

Там кто-то сильный, ударя в бубны,
Раскинул свисты и голос трубный.
И кто-то светлый раздвинул тучи,
Чтоб треугольник принять летучий,

Кричали птицы к своим пустыням,
Прощаясь с летом, серея в синем.
А я остался в осенней доле,
На сжатом, смятом, бесплодном поле.

МНЕ ХОЧЕТСЯ

Мне хочется расцветов полусонных,
При перебеге косвенных зарниц.
Мне хочется свиданья звуков звонных,
Идущих от невидимых звонниц.

Чтоб звук души, идя в тиши к другому,
Был светом-пересветом хрусталей.
Чтоб в сердце забаюкал я истому,
Заслыша бег-напев коростелей.

Чтоб в памяти, в сверкающем затоне,
В подводных далях шли навстречу сны,
Чтоб в голубых куреньях благовоний
Всходила мысль до лунной вышины.

ГЛУБЖЕ

В белом ландыше венчальном светловольный аромат.
Первовесть, зачарованье, в душу ластящийся лад.

Хмельный сказ в нем влился древле с зачинаньем и концом.

Сердце взятое невесты, в белом платье, под венцом.

Скрипки тонкие запевы, всполох ветра в ветках ив,
От истома до истома глубио льющийся отлив.

В ждущей чаше свет медвяный, нежно-бледно-золотой.
Перезвон благословенья, льется благовест густой.

Благовонье глубже, гуще – дух фиалки, тайна в ней
Преломившихся, ушедших, задремавших в грезе, дней.

Страстной схимницы томленье. Глубже-глубже прячет вздох.
Инокния пред иконой. Ладан сердца видит Бог.

ТРИ ТЕРЕМА

Три терема были у нас златоверхие,
В одном расцветается Солнце багряное,
В другом зазеркалился Месяц серебряный,
По третьему зерна из звезд.
Где легкие санки с полозьями звонкими?
Куда с колокольчиком скрылись бубенчики?
До этого царства дорога обрывная,
И гулкий обрушился мост.

Один только путь сохранен необманчивый,
Смотреть по-орлиному в Солнце багряное,
Смотреть по-русалочьи в Месяц серебряный,
Молиться к звезде в вышине.
Тогда оживляются берег и озеро,
Все гулкое Море цветет синецветами,
И ты, златовенчан, проходишь три терема,
В обрызганном сказками сне.

Храню я три терема, те златоверхие,
Вот гость на крыльце, с огневыми зеницами,
В руках его бубен, как Месяц восполненный,
Вкруг бубна – из звезд бубенцы.
Велит мне брататься с цветами и птицами,
Венчаться велит полевым колокольчиком,
Над речных набрать златоцветных бубенчиков
И бросить во все их концы.

СЕМИЗВЕЗДИЕ

Вещательно-веская сила есть в числах,

В них много для нас говорящих примет.
Так в мощных клыках мастодонта обвислых
Тревожно читаем мы тысячи лет.

Тринадцать – то лунная месяцев смена,
Двенадцать – юнейший – есть солнечный счет.
Все числа нам повесть и волны и пена,
По числам вся жизнь круговая течет.

И как бы не знали велений скрижали
И Море и Звезды и Солнце с Луной, –
Когда семицветно лучи заиграли,
Пред тем как возникнуть – Державой одной?

И как бы не знала Верховная Чаша
Всех капель кипящих – в ней – силы живой?
В псалме числовом их – симфония наша,
В их взрывах – нам буря, магнит вихревой.

Не все в письменах мы прочтем достоверно,
Не только здесь блески, – и смутная темь.
Мне светит, в своем начертаньи размерно,
На Северном небе горящее семь.

Издревле свирель семикратно напевна,
Звучит в ней – с созвездий пришедший к нам звон.
И то, что неделя в веках семидневна,
Не прихоть – целительно-верный закон.

Чтоб дух не обуглился в зодческом зное,
Шесть творческих взмахов – и отдых, седьмой.
Об этом гласит нам созвездье родное
Всего лучезарнее – белой зимой.

Пять чувств – хоровод. У поэта шестое
Есть творчество памяти в видящем сне.
Седьмое же в царство ведет золотое,
К цветку голубому в творимой стране.

Бывают минуты, – я вижу все звенья,
Я помню все пути несчетных темниц.
И как я разбил их стезей воплощенья
И новой дороги до новых станиц.

От часа додненья, от лика медузы,
В себя восприявшей лазоревый крест,
Я ведал восторги и сбрасывал узы,
Я принял все жертвы столетий и мест.

И разве я не был змеей семиглавой,
Как воды горели и воздух был рдян?
Я мыслю об этой поре величавой,

Когда мне приливный гудит Океан.

И разве не стал я малиновкой серой,
Явившей, что сердце ее из огня?
Цепь ликов прошел я – и полною мерой
И поступью тигра – и ступью коня.

Откуда бы взял я всю редкостность клада
Несчитанной страсти ко всем существам?
Все было мне нужно. И вот еще надо
Иной камнеломни, чтоб выстроить храм.

Когда упадают дремотно ресницы
И я в многозоркую ночь ухожу.
Поют и поют голубые мне птицы,
Что новую нужно пробить мне межу.

ДОННАЯ ТРАВА

Сребролунный горит подоконник,
Говорит хрусталями окно.
Благовонный качается донник,
Сновидение манит на дно.

Хороши удлиненные кисти,
Голубыми качает один.
А другой, легковейно-душистей,
Как кропило дремотных куртин.

Новолуннею полночью сонной
Их кадилницы знают свой срок.
С их пахучим дыханьем созвонный,
Шевелит их кусты ветерок.

Доглядеть бы всю тайну их взгляда,
Додышать бы цветочную кровь,
Досказать бы созвездьям – что надо,
Чтоб приснилось желанное вновь.

Додремать все томленье разлуки,
Чтобы любящий вновь был любим,
И дожждаться, чтоб милые руки
Дотянулись объятьем своим.

Потянул ветерок по деревьям,
Переметны шуршанья в ветвях,
К оснеженным безвестным кочевьям
Заскользил я в проворных санях.

Парусами – вздуваются тучи,
Как ладьи – сгроможденья снегов.
И лучи упадают, певучи,
На зубчатые кровли домов.

От семи легконогих оленей
Под Луной поднимается пар.
Я доехал. Раскрытые сени.
Вот он, звон наливаемых чар.

«Заждались, говорят. «Не впервые.
Никогда не торопишься к нам».
И поют мне глаза голубые,
Что конец здесь тоске и ветрам.

Мы пируем в высоком чертоге,
Наливаем мы Солнце в хрусталь.
А Луна, закрепясь на пороге,
Серебрит океанскую даль.

ВСЕЗАВЛАДЕВАЮЩАЯ

Не стукнет, не брякнет, а угол темней.
И видно, по спуску немых ступеней,
Что час наступает продольных теней.

Не скажет, не спросит, а слышится вздох.
Росой зазвездился сереющий мох.
И явственен в сердце глаголящий Бог.

Густеет влиянье таинственных сил.
В душе колебанье незримых кадил.
И путь свой крылом козодой зачертил.

Померк досиявший узорный балкон.
В селе отдаленном смолкающий звон.
Глубокою синью налит небосклон.

За садом белеет прохладой луг.
Дневные свершенья – законченный круг.
На небе мерцание гроздий и дуг.

Так скоро за первой Вечерней Звездой
Верховные кони сверкнули уздой,
И Серп Новолунный взошел над водой.

Ладьей отразился в зеркальном пруду.
Все стройно и цельно в своем череду.
В осоке шуршанье, в ней ветер в бреду.

В ней старые мысли проснулись опять.
Змеиные стебли никак не унять,
И возле шуршащих зазыбилась гладь.

Прямится змеиный – не выпрямлен рост.
А тихая поступь умноженных звезд
Уж Млечный повсюду обрызгала мост.

Кто хочет, пусть дремлет. Кто может, пророчь.
Лавинная мгла залила узорочь.
Всемирно мерцает безгласная Ночь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я всегда убаюкан колыбельною песней,
Перед тем как в ночи утонуть,
Где, чем дальше от яви, тем странней и чудесней
Открывается сказочный путь.
В дни как был я ребенком, это голос был няни,
Уводивший меня в темноту,
Где цветы собирал я для певучих сказаний,
Их и ныне в венок я сплету.
В дни как юношей был я, мне родные деревья
Напевали шуршаньем вершин,
И во сне уходил я в неземные кочевья,
Где любимый я был властелин.
А поздней и позднее все грозней преступленья
Завивали свой узел кругом.
Но слагала надежда колыбельное пенье
И журчала во мне родником.
И не знаю, как это совершилось так скоро,
Что десятки я лет обогнул.
Но всегда пред дремотой слышу пение хора,
Голосов предвещающих гул.
А теперь, как родная так далеко Светлана,
И на чуждом живу берегу,
Я всегда засыпаю под напев Океана,
Но в ночи – на родном я лугу.
Я иду по безмерным распростертым просторам,
И, как ветер вокруг корабля,
Возвещают мне реки, приближаясь к озерам,
Что бессмертна Родная Земля.
А безмерная близко расплескалась громада,
И всезвездный поет небосвод,
Что ниспосланный путь мой весь измерить мне надо
И Светлана меня позовет.

МАТЬ

Птицебыстрая, как я,
И еще быстрее.
В ней был вспевный звон ручья
И всегда затея.
Чуть ушла в расцветный сад,
С нею я ребенок,
Вот уж в дом пришла назад,
Целый дом ей звонок.
Утром, чуть в лугах светло,
Мне еще так спится,
А она, вскочив в седло,
На коне умчится.
Бродят светлы по заре,
Чада ночи древней.
Топот брызнул на дворе,
Он уж за деревней.
Сонной грезой счастье длю,
Чуть дрожат ресницы.
«Ах, как маму я люблю,
Сад наш – сад Жар-Птицы!»
Долгий, краткий ли тот срок,
Сны всегда – обновы,
А к крыльцу уж – цок-цок-цок,
Скок и цок подковы.
Вся разметана, свежа,
Все в ней – воскресенье.
Разве только у стрижа
Столько нетерпенья.
«Ты куда же в эту рань,
Мама, уезжала?»
В губы чмок, – и мне, как дань,
Ландышей немало.
«Ну, скорее день встречай»,
Я бегу веселый.
Как хорош душистый чай,
На сирени пчелы.
Мать веселия полна,
Шутками прекрасна.
С ней всегда была – весна
Для зимы опасна.
Только вздумаешь взгрустнуть, –
У нее лекарство –
Мысль послать в лучистый путь,
В радостное царство,
«Ты чего там приуныл?
Морщить лоб свой рано».
И смеется, смех тот мил,
Плещет фортепяно.

Знал я в ранних тех мечтах,
 Как без слов любовен
Храмовой ручьиный Бах,
 Вещий дуб, Бетховен
Как возносит в высоту,
 Уводя из плена,
Шуман, нежащий мечту,
 Лунный взлет Шопена.
Как пленительно тонуть
 В Моцарте и Глюке.
И обнять кого-нибудь
 Странно жаждут руки.
Как в родную старину
 Мчит певучий Глинка.
С ними к творческому сну
 Льну и я, былинка.
Сладко в память заглянуть,
 В глубь такой криницы,
Где подводный виден путь
 К сказке Царь-Девицы.
Так предвидя, угадать
 Сказ о дивном зельи
В жизни может только мать,
 Мудрая в весельи.
И поздней, как дни, созрев,
 Меньше дали света,
Превращать тоску в напев
 Кто учил поэта?
Был иным я утолен,
 Знал иные жажды,
Но такой лучистый сон
 Снится лишь однажды.

ОТЕЦ

О мой единственный, в лесных возросший чащах,
До белой старости, всех дней испив фиал,
Средь проклинающих, среди всегда кричащих,
Ни на кого лишь ты ни разу не кричал.

Воспоминания, как зерна светлых четок,
Перебираю я, сдвигая к кругу круг,
И знаю, что всегда ты божески был кроток,
Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг.

Но, угли шевеля в полупотухших горнах,
Припоминая все, душой, за часом час,
Я вижу, как в глазах, в твоих, как полночь, черных,
В молчании пылал огнепалимый сказ.

Ты наложил печать, нет, крепких семь печатей,
На то, что мучило, и ясным был всегда,
Как зыбь листвы ясна, в лесу, на срывном скате,
Как ясной зрится нам глубокая вода.

И я горю сейчас тоской неутолимой,
Как брошенный моряк тоской по кораблю,
Что не успел я в днях, единственный, любимый,
Сказать тебе, отец, как я тебя люблю.

Я

В мои глаза вошли поля, моря, леса,
Мои зрачки – огонь, в них Солнце задремало.
Люблю Вселенную. Я верю в чудеса.
Они во всем, что ширь и что предельно-мало.

Мы загораемся сквозь сумрак голубой,
Когда, незримые, вступаем в мир зачатий,
И благо, если кто отмечен так Судьбой,
Что он в себе самом хранит ее печати.

Какой из дальних звезд залюбовалась мать?
В какое из светил взглянул отец когда-то?
Об этом можем мы лишь мыслить и гадать,
Но в нас мерцает след рассвета и заката.

Есть смысл в речении старинной из примет,
Что в рыжих волосах всегда костер ярится.
Я быстро обогнул пролет горячих лет,
Но седина ко мне не смеет подступиться.

Чуть-чуть лишь по вискам от полносчетных зим
Неясно проступил осенний свежий иней,
Но все еще лесным пожаром я гоним
Куда-то, где найду – цветок мечтанья синий.

До головы моей, когда родился я,
Коснулся светлый луч зари июньской, нежной,
Пребуди лобзаемой, Господь, рука Твоя
Дозволь мне полностью пройти Твой мир безбрежный.

Ты жаворонка мне явил среди полей,
Окутал ночь мою всей страстью соловьиной,
Дал зиму белую, в ней звоны хрусталей,
Упругий, гулкий лед и лунный луч над льдиной.

Внушив, когда искал я золотых ключей,

Что, красоту любя, свершаешь Божье дело,
Ты мне велел желать, хотеть все горячей,
Внутри и вне искать, не знать ни в чем предела.

Я полюбил простор всех царств и многих вод,
От Скандинавии, где я скользнул сквозь шхеры,
Как зерна в Океан за годом бросил год,
Морями Южными поил мои размеры.

Звучали песни мне. Я сам их пел везде.
От Семизвездия далеко уплывая
До Южного Креста, молился той звезде,
Что где-то в снах ночей, у самого их края.

Красивая Земля дарована земным,
Красиво в неземном отыскивать земное
И видеть, что земной мой сельский белый дым
Восходит к небесам в пространство голубое.

Узорная мечеть, где кличет муэzzин,
Багряно-желтые в лучах пески Сахары,
Священный Бенарес, – не тот же ли один
Все это – сон Земли, людского сердца чары?

На южных островах, где вечная весна,
К ребенку наклонясь, с напевом, Самоанка
Не та же ли все Мать? Не так же ли она
Божественно-ясна, как Русская крестьянка?

Но, мир поцеловал и весь его крестом
В четырёхкратности пройдя необозримый,
Не как заморский гость вступаю в Отчий Дом
И нет, не блудный сын, а любяще-любимый.

Когда в младенчестве я шел в дремучий лес,
Я пропадал весь день до самого заката,
И на опушке ждал, чтоб крайний луч исчез,
Чтоб был вдвойне, втройне желанным миг возврата.

Я меру яблок взял от яблонь всех садов.
Я видел Божий Куст. Я знаю ковы Змия.
Но только за одну я все принять готов, –
Сестра моя и Мать! Жена моя! Россия!

ПОЛОГ

О, рдяный кубок, сердце мира, Солнце,
Тыходишь в ночь, преображаясь в Месяц,
Ты, множась бездной солнц, являешь звезды,

Свершая всезидительную волю,
За быстрым днем полночный строишь полог,
И бьется в скалы стонущее Море.

Под небом сверху – небо снизу – Море,
В груди людской – костер замкнутый – Солнце,
Ресницы глаз упали – вещей полог,
Укрыты сны, глядится в зыбь их – Месяц,
И, даль сменившись в близь, прядет в ней волю,
В бездонность снов из бездн ниспали звезды.

Качаются в волнах морские звезды,
Вскормило их, вспоило немость – Море,
В них вбросило невысказанность, волю,
В их теле аметист, предвечер, Солнце,
В иные лунный камень вбросил – Месяц,
Из дальних далей здешний ткется полог.

Я сплю, кругом сомкнулся дымный полог,
Мерцанье перебрасывают звезды,
По краю кровли водит душу Месяц,
О днях додневных, гулко вторит Море,
Я чувствую, что проходил я Солнце,
Ушел от Солнца, выполняя волю.

Верховную я выполняю волю,
Творя во сне, качаю звездный полог,
Внутри меня проводит дуги Солнце,
Мой черный камень пал с высот, где звезды,
В моей крови – всепомнящее Море,
Под веками – зеркальный дремлет Месяц.

Как Солнцем жив горящий ночью Месяц,
Так, ворожа, мою безбрежит волю
Сомкнутое единым кругом Море,
Полночный звук, полночный шепчет полог,
И россыпь драгоценных светов, звезды,
Гласят, что в нас немеркнувшее Солнце.

О, Солнце, я с тобой – смотря на Месяц,
Вы, звезды, мне в цветах поите волю,
Раздвинут полог, в грудь мне льется Море.

ВОДОВОРОТ

Я впал однажды в пасть водоворота,
Зеленых светов было в нем мерцанье,
В волнах я чуял хоть существ звериных,
Был петлей круг, во всем была угроза,

Я щепкой был, без сил, без дум, без воли,
И все же я узнал освобожденье.

Какой восторг – узнать освобожденье,
Изведав зев и власть водоворота,
Рожденье вновь – за рабством выпить воли,
Душа – как пламя, опыт – лишь мерцанье,
Угрозе мира – в духе есть угроза,
Я человек, я царь существ звериных.

Во мне есть также взрыв страстей звериных,
В их хмеле видел я освобожденье,
Я знал, что в Море каждый миг угроза,
Но я не знал игры водоворота,
Я в грозное бросился мерцанье,
Я в Море плыл, дабы коснуться воли.

Вскипанье волн вином мне было воли,
Был песней рев их голосов звериных,
Пьянило переметное мерцанье,
Вступая в плен, я пел освобожденье,
Не знал, что я в русле водоворота,
Надводность – пляс, подводный ток – угроза.

Пружиной тайной двигалась угроза,
Меня схватил захват исподней воли,
Игралищем я был водоворота,
Был мяч бесов, среди хохотов звериных,
Уж снилось мне – лишь смерть освобожденье.
Но вал бежал, и было в нем мерцанье.

Зеленый змей, могучий вал, – мерцанье, –
Бежал на пересек, и с ним угроза
Водовороту, мне – освобожденье,
В мое он сердце брызнул мощью воли,
Исторг меня из омутов звериных,
Принес к земле из мглы водоворота.

Ни ход водоворота, ни мерцанье
Зрачков звериных – духу не угроза,
Кто хочет воли, в нем освобожденье.

ОСЕНЬ

Как пламенеет огненная осень,
В ней красочного более расцвета,
Чем в самый яркий, звонкий полдень мая,
Она прозрачней, чем июньский воздух,
Сентябрь соединяет царский пурпур

С тем золотом, что ведаёт бездонность.

Воздушной синью залита бездонность,
Духотворит всю беспредельность осень,
Еще на бересклете рдеет пурпур
Как будто бы весеннего расцвета,
Но свист синиц, пронзая чистый воздух,
Гласит, что далеки напевы мая.

Он слишком был громоздким, праздник мая.
Забыта в нем сполна была бездонность,
От цвета всех деревьев хмельной был воздух,
Но в каждом поцелуе скрыта осень,
Багряный мак, разлив огонь расцвета,
Ярит пожар, поит кровавый пурпур.

В пронзенном страстью сердце плещет пурпур,
Душа скорбит, что ломко счастье мая,
Предел нам – в самом запахе расцвета,
Коснувшись дна, мы рушимся в бездонность,
И разве плод – не смерть цветка, не осень,
Вкруг красных яблок грустью дышит воздух.

Когда допета песня, грустен воздух,
Когда дожегся день, закаты пурпур,
Чу, в голосе стрекоз такая осень,
Что чудится – и не было нам мая,
Со всех сторон в нас глянула бездонность,
Пойми не цвет цветка, а смысл расцвета.

Пред смертью в листьях – все цвета расцвета,
Весь в золоте сентябрьский гулкий воздух,
Клик журавлей сквозь синюю бездонность
Уводит мысль туда, где вечный пурпур,
От жизни – к жизни, чрез пороги мая –
В созвездность зим, в пасхальность – через осень.

Верховна осень, в ней всецвет расцвета,
Превыше мая проясненный воздух,
До завтра пурпур прячется в бездонность.

ВЕЧЕР

Он голубой, он вглубь уводит, вечер,
В нем крайний миг свой, рдея, знает Солнце,
Серебряной ладьей всплывает Месяц,
Вступает мир дневной в преображенье,
И синева с Вечернею Звездою
Средь песен мира лучшая есть песня.

Я помню час, вдали звучала песня,
Та, лучшая, в мой первый вещий вечер,
Я был ведом неведомой звездой,
Далекой, словно в Вечность плыло Солнце,
Я полюбил, любовь – преображенье,
За лесом выплывал огромный Месяц.

Пурпуровый, плывя, стал белым Месяц.
Звения, вдали, звучала в сердце песня,
Разросся лес, прияв преображенье,
В июне ночь – лишь углубленный вечер,
И чудилось, что, закатившись, Солнце
Горело вновь – Вечернею Звездой.

Не яркой ли огромною звездой
Впервые, древле, всплыл в лазури Месяц?
Не жаркой ли звездой было Солнце,
Когда возникла творческая песня,
И день был с ночью, утро было вечер,
И все – канун, и все – преображенье?

Блажен, кто знал, за мглой, преображенье,
Блажен, кто путь свой выпрямил звездой,
Люблю тебя, проникновенный вечер,
Люблю тебя, меняющийся Месяц,
Жива лишь переменной звука песня,
Меня нас, ведет нас к счастью Солнце.

Меж всяких вер я верю только в Солнце,
Оно взойдет, – и в нас преображенье,
Любовь придет, – и в птичьем горле песня,
Звезда должна стремиться за звездой,
Любовь, ты Солнце, за тобой я, Месяц,
Вся наша жизнь – пред новым утром вечер.

Зеркальный вечер вглубь уводит Солнце,
Чтоб глянул Месяц, путь в преображенье,
А в сребросинь звездой всходит песня.

НОЧЬ

Зазывчиво молчанье черной ночи,
Таит миры сверкающая бездна,
Вскипает жизнь в ней, в обрамлении смерти,
Ведомая разведчивой любовью,
В ней слышится заслушавшейся мысли
Всеблаговест, бездонная всезвучность.

Как колокол – безмерная всезвучность,
Исходят из величественной ночи
Ручьистые ветвящиеся мысли,
Питают корни их – немая бездна,
Оазисы изваяны любовью
В пустыне – подчиняющейся смерти.

Не победит неисследимой смерти,
Гудящая роями дум, всезвучность,
Но будет жизнь всегда, горя любовью,
Выковывать в миры железо ночи,
И синяя не утомится бездна
Растить – во тьме корнящиеся – мысли.

Звезда к звезде, от мысли к дальней мысли,
Бросает звон волна в плотину смерти,
Ликут жорла мрака, плещет бездна,
Созвездная раскинулась всезвучность,
Он черный, черенок кинжальной ночи,
Но золото по стали – мысль с любовью.

Глядящий в ночь всегда пронзен любовью,
Из сердца брызжет жизнь, скрепились мысли,
Издревле ночь – одна, и в ней все ночи,
Она глядит, зрак мира, в пропасть смерти,
Глаголет перевозданная всезвучность,
Что грозная не потопляет бездна.

Не топит душу в черных глубях бездна,
Всегда – умерший воскрешен любовью,
Гудят колокола, поет всезвучность,
Крылатый рой, созвенье, гроздь мысли,
Воистину возрастает жизнь из смерти,
Шумят леса дремучей черной ночи.

Из древней ночи новью плещет бездна,
Завеса смерти взвихрена любовью,
В упорной мысли – верная всезвучность.

ЮНОСТЬ

Какая опрометчивая юность,
В ней все – мечта, загадка и зеркальность,
Ей любо отразить в себе все небо,
Она в дремучий лес вступает с песней.
Не чувствует, о чем шумят вершины,
И тонет в неожиданной печали.

На рубеже таинственной печали,

В ненасытимой жажде грусти юность,
Ей говорят древесные вершины,
Что в мире опрокинута зеркальность,
Немая синь не отвечает песней,
Лишь говорит огнем и громом небо.

Не высота, а глубь и бездна – небо,
В нем свиток неисчисленной печали,
И страстью, сказкой, жаждой, мыслью, песней,
Всем тем, что манит и волнует юность.
В бездонную откинувшись зеркальность,
До острой мы касаемся вершины.

Как шелестят, поют, шумят вершины
О том, что от земли отдельно небо,
Что, глянув ниц в затонную зеркальность,
Звезда всегда исполнена печали,
И что всегда, идя, проходит юность,
И где она, – за лесом скрылась с песней.

Старинной многоопытную песней,
Вещают многолиственно вершины,
Что где-то там за лесом тонет юность,
Лишь зачерпнув чуть-чуть немое небо,
И все же столько взяв в себя печали,
Что ею вся полна ее зеркальность.

Лесное эхо, призрак, зов, зеркальность,
Невнятный сказ, пропетый дальней песней.
Блестящий луч, упавший в грань печали,
Шумящие древесные вершины,
Что зыбью всходят, а не входят в небо,
Такая ты, всегда такая юность.

О, юность, ты алмазная зеркальность,
Ты чуешь небо, меришь землю песней,
Дойдя вершины, не уйдешь печали.

КАПЛЯ

Я чую жизнь – как золотую россыпь,
И осыпь самоцветов мне – мгновенья,
Я тихо услаждаюсь тайным звоном,
Живу, грущу, люблю и помню Вечность,
О целом Солнце говорит мне капля,
В ней радуга и синее в ней Море.

Всегда гудит и с плеском стонет Море,
Поверх валов белеет влаги россыпь,

Живет и светит каждая в нем капля,
Бежит вокруг всей Земли тропой мгновенья,
В нем утром – час мой, темной ночью – Вечность,
И обо всем поет разгудным звоном.

И свадебным, и похоронным звоном
Вхожу в неисчерпаемое Море,
Вокруг меня – лазурной рамой – Вечность,
В коей судьбе – камней редчайших россыпь,
Живя, живу, и музыкой мгновенья
В моей крови любая плещет капля.

Я помню, как упала с неба капля,
Ударясь в крышу дома с легким звоном,
Я был дитя, но, власть поняв мгновенья,
Постиг, что в Небе мощное есть Море,
Что дождь, и гром, и молния есть россыпь,
Но в россыпях не истощится Вечность.

С тех пор меня не покидает Вечность,
За каплей крови в стих нисходит капля,
Всех красок мира знал я в мире россыпь,
На всех морях мечту баюкал звоном,
И никогда мне не изменит Море,
Ведя меня в мирах стезей мгновенья.

Вы, крылья райской птицы, вы, мгновенья,
До смерти пойте мне, как дышит Вечность,
Приливом и отливом живо Море,
Я капля в нем, но как богата капля,
За молнией я падаю со звоном,
И вокруг меня цветов несчетна россыпь.

Живая россыпь краткого мгновенья,
Певучим звоном нам вещает Вечность,
И капля я, но путь всех капель – в Море.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И СКРИПКА

Яну Кроллю

ЛЕСНАЯ

Медовый цвет. Осенняя дубрава.
В последний раз жива собой заря
Листвы, в чьем взблеске царственная слава,
Багряно-желтый праздник сентября.
Медвяный хмель и грусть в медовом хмеле,
Воспоминанья – к нити златонить,

Тягучий гул и гуд виолончели
Не хочет-хочет лето схоронить.
И, прежде чем, хрустя, придут морозы,
Преображая даль пути в сугроб,
Листва – нарциссы желтые и розы,
Из золота изваян мигом гроб.
Верхом, вдвоем, на двух конях буланых,
Мы проезжали пустошью лесной,
И сердце было все в расцветах рдяных,
Но молча дух мой пел, что ты со мной.
В лазури журавли тянулись клином,
Безбрежный блеск – в себе был смысл и цель,
И с медленностью, свойственной былинам,
Лесная пела нам виолончель.

ВИОЛОНЧЕЛЬ И СКРИПКА

Виолончель – влюбленная Славянка,
В ней медленно развитие страстей,
Она не поцелует спозаранка,
Неспешен ход ее к черте огней.
 А скрипка – юная Испанка,
 А скрипка – молния и пьянка,
 И каждый миг – зарница в ней.
Виолончель – глубокий путь потока,
Пробившего дремавшую скалу,
Вершинный говор-гул ствола к стволу.
 А скрипка – птица, одиноко
Поющая сквозь месячную мглу,
И скрипка ластится, как свету к водоему,
Стрелой тончайшею свою пронзает цель.
 Но полнопевную истому
 Мне только даст виолончель.

СКРИПКА

Скрипка – вскрики, всплески, пламя,
Горло птицы, гуд жука,
В чаще леса: ночью, в яме,
Пересветы светляка.
 В мшистой ямине, в ложбине,
 Ключ, разбрызгавший свой ток,
 С сердцевинной златосиней,
 Сказкой дышащий цветок.
Полным ходом пляшет танец,
Поцелуй к струне в смычке,
Сразу вспыхнувший румянец
На застенчивой щеке.
 Кто-то вспомнил что-то где-то,
 Самого себя ища,

В ярком выступе просвета
Бьется лист о лист плюща.
Камня лунного окраска –
В глубь себя вошедших – слов,
Паутинная завязка
Неразвязанных узлов.

СМЫЧОК НАД СТРУНОЙ

Казался мне странным смычок над струной,
Как будто бы кто-то, склонясь надо мной,
Ласкал меня нежно, но лаской бия,
Чтоб в страсти душа обнажилась моя,
И вскриком душа, не стыдясь, возвещала: –
«Люби меня! Мучь меня! Мало мне! Мало!»
Казалась мне странной струна под смычком,
Себя узнавал в захмелевшем другом,
В том пальце, дрожавшем вдоль зыбкой струны,
В аккорде, пропевшем глубокие сны: –
Захват – для отдачи и в сладостном плаче
Свершенье – издревле нам данной задачи.

В КАРПАТАХ

В горах я видел водопад,
Там в Татрах, в лоне бурь, в Подгале,
Звучаний бешеных в нем лад,
Вверху – гранитные скрижали.
И кличет там орел к орлу,
Над пряжей влаги разъяренной,
Что, кто восходит на скалу,
Нисходит в дол – преображенный.
И в рокоте гремучих вод,
Где вскип со вскипом в вечной сшибке,
Как будто птица мглы поет,
И в тонком всепеве струны скрипки.
И как у скрипки есть аккорд,
Когда все струны, все четыре,
Вспоют всепев, что гулок, горд,
Ведут полет мечты все шире, –
И вдруг сменяются одним
Уклоном вкось, – разрыв в узорах,
Пронзенный вопль, и звук – как дым,
Как зов теней, как дальний шорох, –
Так многогулкая вода,
Достигши ярости забвенной,
Вдруг станет смутной, как слюда,
И сединою брызжет пенной.

Не есть ли в этом полный круг
Пробегов ищущего духа
До семицветных тихих дуг,
Где гром слепой не ропщет глухо?
И не о том ли вещей сказ,
Что клекотом орлы седые
Роняют, озаряя нас,
В горах, где каменные выи?
И потому в разгуле вод,
Где вскип со вскипом в вечной сшибке,
Глубинный голос гор поет,
И верный голос мудрой скрипки.

СУДЬБА

Судьба мне даровала в детстве
Счастливых ясных десять лет,
И долю в солнечном наследстве,
Внушив: «Гори!», – и свет пропет.

Судьба мне повелела, юным,
Влюбляться, мыслить и грустить.
«Звени!» шепнула, – и по струнам
Мечу я звуковую нить.

Судьба, старинной брызнув сагой,
Взманила в тающий предел,
И птицей, ветром и бродягой,
Весь мир земной я облетел.

Судьба мне развернула страны,
Но в каждой слышал я: «Спеш!»
С душою миг познав медвяный,
Еще другой ищу души.

Судьба мне показала горы
И в океанах острова.
Но в зорях тают все узоры,
И только жажда зорь жива.

Судьба дала мне, в бурях страсти,
Вскричать, шепнуть, пропеть: «Люблю!»
Но я, на зыби сопричастий,
Брал ветер кормчим к кораблю.

Судьба, сквозь ряд десятилетий,
Огонь струит мне златоал.
Но я, узнав, как мудры дети,
Ребенком быть не перестал.

Судьба дает мне ведать пытки,
На бездорожьях нищету.
Но в песне – золотые слитки,
И мой подсолнечник – в цвету.

ЖАЖДОЮ ДАЛЕЙ

«Жаждою далее и ширей...»
Вас. Ив. Немирович-Данченко.
Из письма

Жаждою далее и ширей,
Жаждою новых наитий,
Нам открываются в мире
Светлые, тонкие нити.
 В звонкой Севилье. Я солнцем одет.
 Смуглые лики, но яркий в них свет.
 В пляске – завязка для нежных побед.
 К пляске зовет перехруст кастаньет.
В сердце, в просторах багряных,
Плещет горячая птица,
Кличет о сказочных странах,
Чует желанные лица.
 Вечно ли зелень родимых долин?
 Все ли мне узкий отрезанный клин?
 Где-то о звездах поет бедуин.
 В мире один – сам себе господин.
Стены, подвалы и крыши,
Изгородь – мыслям препона,
Мы – не запечные мыши,
Нет нам такого закона.
 Наша порода – два сильных крыла.
 Странствие – юность, а юность светла.
 Если же юность за горы ушла,
 Радость полета всегда весела.
В ветре лететь альбатросом,
Рыбою плыть в Океане,
Серной бродить по откосам,
К срыву, за срывы, за грани.
 Солнце горячим проходит путем.
 Веруя в Солнце, за Солнцем идем.
 Море певучий поит кругом.
 С Морем и с ветром мы волю поем.
Гондола, струг и каноа,
В чем бы ни плыть, уплывая.
Сказку сложить – на Самоа,
Песню – на высях Алтая.
 Если горенье, – гореть я хочу.

Если боренье, – с мечом я к мечу.
Буря ли кличет, – разметанность мчу.
Гром ли, – откликнусь, – грохочет он, – чу!

КЛАД

Далеко, за синими горами,
За седьмой уступчатой горой,
Древний клад зарыт в глубокой яме,
Досягни и, взяв свой заступ, рой.
 Пред горами мертвые пустыни.
 Помни, в них самум и нет воды,
 Средь песков от века и доньше
 Черепов скопляются ряды.
Многие достигли здесь предела.
Это те, что взять хотели клад,
Но в пути хотенье охладело,
Пожелало путь найти назад.
 Захвати на долгие недели
 Мех с водой и пей лишь по глоткам, –
 Ты песчаной избежишь постели
 И дойдешь к взнесенным ввысь горам.
Но не все опасности пропеты.
Чуть дойдешь до грани синих гор,
Ты увидишь белые скелеты
Тех, чей был не прям, а косвен взор.
 Возжелай заманчивого клада,
 Но не хотью жаждай лишь, – душой.
 Низменного горному не надо,
 Для низин верховный мир – чужой.
И не все опасности пропела
В звонкости упругая струна.
Сможешь ли взойти на гору смело?
Пред тобой – отвесная стена.
 Посмотри, отмечен красным цветом
 Не один, а сто один уступ.
 Многое сокрыто под запретом,
 В древних башнях верно выбран сруб.
По ущельям зоркие есть рыси,
Барс пятнистый ходит в тишине.
И отрадна ль синь взнесенной выси
Для лежащих в пропасти на дне?
 От горы к горе мостов не строят,
 От вершин лишь зори до вершин
 Взор взошедших нежат и покоят,
 Ночь придет, и строит ковы джин.
Запоеет, как песня мест родимых,
Прошепнет невестой: «Где же ты?»
Явит лик свой в пламенах и в дымах,

Чтоб тебя низвергнуть с высоты.
Но, когда молитвенной душою
Ты хранишь святыя письма, –
Но, когда, все тайны бравший с бою,
Сто ночей прободствуешь без сна, –
Завершишь ты меру испытаний,
Закруглишь недостававший счет,
И тебя до клада мирозданий
Радуга сквозь грозы приведет.
А когда дойдешь к глубокой яме,
Заступ взяв, на высь взгляни – и рой.
К нам придешь – увитый жемчугами,
За седьмою скрытыми горой.

ТИШЬ

Вер'Санне

Выпал, и принят, и полностью выполнен жребий.
Тихо в душе. Тишина на земле и на небе.
День отшумел, и умчался табун длинногривых.
Где они, кони? Беззвучье в лугах и на нивах.
Было ли много веселия, было ли мало,
Песни умолкли. Село над рекой задремало.
Было ли мало томления, было ли много,
Воды реки – позабывшая путь свой дорога,
В вышнем сапфире светильники-гроздья повисли.
Темные лодки на водах – забытые мысли.
Ветер пред ночью растаял в лесу по вершинам.
Тонкою зыбью остался в листочке едином.
Только в мгновении, в плеске рассыпчатом, гибко
Вынырнет – юрк – унырнет серебристая рыбка.
Только дергач, безистомный в желании жгучем,
Тишь оттеняет, в пробеге, напевом тягучим.
Словно умножась, и здесь он, и там, и повсюду,
К Ночи кричит: «Не забуду и голосом буду».
Ночь безглагольна. Все глубже, и глуше, и тише.
Млечным Путем заливает сапфир свой все выше.
Смотрит ли небо на землю и видит ли глазом,
Мысли оттуда проносятся быстрым алмазом.
Если ты мыслью ту мысль, промелькнувшую в небе,
Схватишь секундой, созвездным он будет, твой жребий.
Если поспеешь, ты будешь с кольцом обручальным.
Если замешкал, беззвездным пройдеши и опальным.

КТО ПОСТУЧАЛСЯ?

Кто постучался в ночное окно?
Кто-то, кто молвил, что все суждено.
Кто постучался в холодную дверь?
Кто-то, кто молвил: Упорствуй и верь.
Кто постучался здесь в сердце мое?
Солнце, из крови затеяв тканьье.
Вот она выткалась, малая тканьь,
Алая – солнце с прожилками – глянь!

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Тихое озеро в горной долине,
В горной долине пасутся стада.
Воздух высокий над пропастью – синий,
Тянется сердце – к высотам – туда.

Ключ, проскользнув по гранитным громадам,
Сонное озеро выбрал как цель.
Бледный, на камне, пастух перед стадом,
Тонкая томно играет свирель.

Тянутся узкие, тонкие сосны,
Темные сосны по горной стене.
Быстро проходят короткие весны,
Медлит зима в снеговой вышине.

Тянутся стебли белеющих лилий,
Облики лилий – в воде озерной.
Выше – орлы серокрылые свили
Дикие гнезда в скале вырезной.

В час, как к ночлегу скликаются птицы,
Сильные птицы, чей путь – вышина,
Звоны плывут от церковной звонницы,
Людам и птицам – спокойствие сна.

Только в высотах альпийские зори
Алым горением молятся вслух.
Только не молкнет, во взлетах и в споре,
Узкой долиной томящийся дух.

ВЫСОКИЕ ГОРЫ

Высокие горы, внимлите,
Я к вам прихожу на ночлег.

Хочу я высоких наитий,
Люблю я нетронутый снег.

Люблю я со срыва до срыва
Добросить свой голос в горах.
Как серна мелькает красиво,
Ей пропасть – забава, не страх,

Как тянутся там подо мною
Волокна в течении мглы.
Как кличут над горной стеною,
Владыки пространства, орлы.

ПУТЬ

Божо Ловричу

Вот равнина. Вот дорога.
Вот немного отойди
От родимого порога.
И еще, туда, где строго
Светят выси впереди.

Опираясь равномерно
На упорный посох свой,
Ты увидишь здесь, наверно,
Как в горах красива серна,
Будешь сам вдвойне живой.

Серна любит забавляться
На ребре крутой скалы.
В срыве ужасы нам снятся.
Серне любо проясняться
Над зазывом нижней мглы.

Чем со тьмой она несходней,
Тем ей легче ниц скакнуть.
Глянет, прынет в срыв исподний.
Ах, в деснице быть Господней
Это самый верный путь!

Вон уж где? На том изломе.
Через пропасть пред тобой.
Нет, не в сером, тесном доме.
Все – ничто, поверь мне, кроме
Как в судьбу играть с Судьбой.

НА ЛЕСНОЙ ДОРОГЕ

На лесной раскаленной дороге
 Предо мной разошлись три пути.
Я грустил, размышляя о Боге,
 И не знал, мне куда же идти,
Если прямо, – там Синее Море,
 Прекращает мой путь Океан,
Он прекрасен в сапфирном уборе,
 Но не водный удел здесь мне дан.
Если вправо, – все к тем же я людям,
 В пыльный город приду. Не хочу.
Там во всем несогласны мы будем,
 Нет пути там до сердца лучу.
Рассудив, я направился влево,
 Начиная от сердца во всем.
И пошел я с куделью напева,
 Мы с мечтою и вьем, и поем.
Повстречался мне крест придорожный,
 Там сидит одинокий старик.
Безнадежный – и с тем бестревожный,
 Изможденный, изношенный лик.
Но в глазах, что глядели так прямо,
 Словно зеркало Солнцу с земли,
Мне почудилось таинство храма,
 Только-только там свечи зажгли.
Но в глазах, что смотрели, мерцая,
 У того, кто забылся, один,
В них зеленая тайна лесная,
 Что проходит по зыби вершин.
Полюбился мне нищий тот старый,
 Близь него я тихонько присел.
Он смотрел в особливые чары,
 Мне незримый, он видел предел.
Я вложил ему в руку монету,
 Еле дрогнув, он что-то шепнул.
Но, глазами прикованный к свету,
 Он лесной принимал в себя гул.
Мы потом говорили немного.
 «Что дадут, – все я малым отдам».
Мне открылось, что стройно и строго
 Вся дорога – дорога есть в Храм.
«Ты один. И один я. Нас двое».
 И ушел я, весь в пламенах сил.
И шепнуло мне сердце слепое: –
 «Это Бог здесь с тобой говорил!»

СВЯТЫЕ БАШМАЧКИ

Я спал. Глядел. В окне слюда.
В нем ходит синяя звезда,
 И схимницы там сонные,
 Все златоиспещренные,
Перед иконой преклонясь,
К земле ведут от неба вязь,
 В три полосы, трерядную,
 Дорогу неоглядную.
От нас, от здесь, до неба мост,
И к нам, с высот превыше звезд.
 Узорами зелеными,
 С молитвами, с поклонами,
Ведут они дорогу-путь,
Что входит в грудь когда-нибудь.
 Икона та огромная,
 Высокая и темная,
Из золота у ней оклад,
А перед ней лежит булат,
 И башмачонки малые,
 Ах, стоптаны, усталые,
Помолятся, – и в пыль дорог,
В движеньи малых детских ног.
 И было мне вещание
 Из мглы златомерцания: –
«Не все сюда. Иди туда,
Где синяя горит звезда.
 Пройди непостижимыми
 Пожарами и дымами».
И грянул тут вспененный вал,
Я пал, икону целовал,
 Отца и мать любимую,
 И темь – и земь родимую.
И вот иду. Качну беду, –
Уходит прочь. Я часа жду.
 За полем, за речонками,
 Слежу за башмачонками,
У коих стоптан каблучок,
Но каждый шаг их мне намек.
 Над омутами старыми
 Я прохожу пожарами.
Я знаю: Синюю звезду,
Идя, как луч, в пути найду.
 Мне светит мгла иконная,
 Вся златоиспещренная.

СВЕЧОЮ

Я войду в зарю закатную

Чрез поля, через луга,
Доведу тропу стократную
В заревые берега.

Возле солнечной излучины
Подожду, она светла,
Но, поняв, что все замучены,
Кем душа моя жила, –

С края пропасти сверкающей
Брошусь прямо я в зарю
И свечою догорающей
В бездне солнечной сгорю.

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Я знаю Черную вдову,
В ее покрове – светов мленье,
Ее я Полночью зову,
С ней хлеба знаю преломленье.

С ней кубок темного вина
Я пью безгласно, в знак обета,
Что только ей душа верна,
Как жаворонок – брызгам света.

Когда ж она уйдет во мгле,
Где первый луч – как тонкий волос.
Лозу я вижу на столе
И, полный зерен, крепкий колос.

ПЕСНЯ ДНЯ И НОЧИ

Ивану Сергеевичу Шмелеву

Давай еще любить друг друга,
Люблю тебя, мой милый брат.
Найти на изумруде луга
Я каждый день нежданно рад
Чуть-чуть зацветшие расцветы.
Поем. И пели. И не спеты.
Рассветный час –
Всегда рассказ.
В свеченьи трав – любовь Господня,

Разлитье Бога по цветам.
За радость каждого сегодня,
За луч, примкнувшийся к кустам,
За жизнь зверьков лесистой ямы,
Внесем до неба фимиамы.
От наших свеч
До Бога речь.
За то, что в долгих гулах звона
И благодать, и благолепь,
Что синей кровлей небосклона
Одет наш дом, и лес, и степь,
За Море, в нем же Божья сила,
Внесем горящие кадила.
Есть свет и звук
В волеи рук.
За час труда, за миг досуга;
Вот, за щепотку табаку,
За то, что мы нашли друг друга,
Что брата братом нареку,
За путь вдвоем по бездорожью,
Восславим звонно благодать Божью.
В глазах людских
Есть Божий стих.
Мы оба в пламенах заката,
На рубеже тяжелых лет.
На срывах ската вопль набата,
Разлитых зарев медный бред,
Мы головни, но головнями
Хранится огонь, что будет – в Храме.
Под цепкой мглой
Пчелиный рой.
Мы знаем радость следопыта,
Земная глубь дрожит, звеня.
Гремит нездешнее копыто,
К земле от неба бег коня.
И в начертаньях узорочий
Прочтем мы слово вещей Ночи.
Оттуда мы.
Есть путь средь тьмы.
Вверху, от Севера до Юга,
Уж черный бархат проступил.
Но к нам иного пламекруга
Течет произволенье сил.
Вовнутрь души, в наш мрак железный,
Простерся скипетр многозвездный.
Зовет – огнем.
Идем! Идем!

ТВОЯ ОТ ТВОИХ

Одно Пасхальное яичко
Не поглотила, в вихрях, мгла.
Его какая Божья птичка
В тех днях таинственно снесла?

В тех днях, когда по далям луга
Светился златом изумруд,
И так любили все друг друга,
Что луч оттуда светит тут.

Из огнедышащего Ада
Спасен Господней я волной.
Мерцает тихая лампада
Перед иконою родной.

Вкруг дома – вихрей перекличка.
Но, весь – молитва к алтарю,
На то Пасхальное яичко
Я с умилением смотрю.

Чуть серовато, сахаристо,
Как талый, между трав, снежок,
В углу оно белеет мглисто,
Лампадка светлый ткет кружок.

Во дни великого ущерба,
Златого ободок кольца
Яичко держит, рядом верба
Пред тишью Божьего лица.

И словно шепчет голос няни: –
«Не думай, что там впереди,
Есть звезды Божии в тумане,
Гляди сюда – гляди – гляди».

Лампадка выросла в кусточек,
Гляжу упорно пред собой,
И над яичком ангелочек
Встает, как цветик голубой.

Над бездной страшного наследства,
Уторопля Тьмы черед,
В луче поет мне ангел детства,
Что Воскресение – придет.

У тебя в старинном доме,
У тебя в старинном парке
Чувства плавают в истоме,
Драгоценны, ковки, яркие,
И не яркие, только жарки,
Все затянуты золою,
Вазы, клены в стройном парке,
Цвет рубина, скрытый мглою.
Под нависнувшей горою,
Отдалившей все, что в мире,
Тем ты ближе к аналою,
Чем чужие дали шире.
На бледнеющем сафире
Хлопья в облачном теченьи,
Свет Даров Святых в потире,
Чаши неба вознесенье.
Ветер в вязах – отзвук пенья:
В перезвонах светят клены.
Всех минут богослуженье,
Память впала в антифоны.
Есть высокие законы
Над уранами мгновений: –
Всюду светятся амвоны,
Где исход из сожалений.
Наши чувства – только тени
Тех, что снились достоверней.
Лебедь – лепка всех движений,
Но недвижимый – он размерней.
Нежны розы между терний,
Дух – звезда, в себя вступаю.
Пьет лучи Звезды Вечерней
Чаша неба голубая.

СЕСТРА ЛИ ТЫ?

Подруга ты? Жена? Сестра? Любовь? Не знаю,
Я братьев не люблю и я боюсь сестер.
С тобою некогда мы поклонились маю,
И в вольной осени пылает нам костер.

В прозрачном сентябре, так звонно-золотистом,
Валежник хрустнувший свой ладан задымил.
Топазы на ветвях с небесным аметистом
Уравномерили в двух душах пламень сил.

Поверх немых корней еще живут былинки,
Там в дальнем озере мерцает бирюза.
Скользя по воздуху, звездятся паутинки,

И ты глядишь в костер, полузакрыв глаза.

Сестра ли ты? Жена ли ты?
С тобой вступил я в пир.
Нам были кубки налиты,
И в них гляделся мир.
Ты вольная. Не в клетке я.
Нас нежит ураган.
Нам были яства редкие,
Напиток счастья дан.
И я теперь по пламени
Сполна читаю нас.
Как ходы битвы – в знамени,
Так в мигах был наш час.
С тобой всегда, любимая,
Сквозь ночь смотрю в зарю.
И пламени и дымы я
Равно боготворю.
Качнется миг неистово,
Я слышу, что не лгу.
Ты цвет цветка златистого
На дальнем берегу.
И опьянюсь я лицами
Заокеанских стран.
Но ты качнешь ресницами,
Но ты прямишь свой стан.
Качнется миг, но истово
Мы в страсть роняем страсть.
Из царства колосистого
Спешит зерно упасть.
Падет зерно со звонами,
Плеснет волна к волне.
За рощами зелеными
Есть лес в цветном огне.
Цветами мы и зернами
Украсили костры.
Морями я узорными
Стремился до сестры.
Сестра ли ты? Жена ли ты?
Я верил кораблю.
Резные кубки налиты,
И в пламени – Люблю.

КАПБРЕТОН

Я долю легкую несу,
Во мгле моих гаданий.

Мой дом в саду, мой сад в лесу,
Наш лес на Океане.
Я долю легкую несу,
В огне моих скитаний.
Я полюбил одну красу,
Быстрейшую из ланей.
Так. Долю легкую несу,
Сноп лучевых касаний.
Я тку из солнца полосу
Бессмертных ожиданий.

2

В зеленом Капбретоне,
На грани разных стран,
Мы все в одном законе: –
Гудит нам Океан.
 Рассыпчатого смеха
 Так много у него.
 Гудит лесное эхо,
 Что день есть торжество.
На колокольне древней
Гудят колокола,
Что в ночь еще напевней
Звездящаяся мгла.
 Но шмель дневной, над входом
 В цветок, гудит в простор: –
 «Цветы – лишь воеводам,
 А пчелы – это вздор».
А в вереске цикада
Сравнила ночь и день: –
«И день и ночь – услада,
Лишь в звук себя одень».
 Еще одна цикада
 Кричит, вскочив на пень: –
 «Мне ничего не надо,
 Пою, когда не лень».
И ржет еще цикада,
Как малый конь-игрень: –
«Мне ночью – ночь услада,
А днем – люблю я день».
 И трелит, схвачен светом,
 Мне жавронок лесной: –
 «Я здесь звеню – и летом,
 И в осень, под сосной».
В таком мы здесь законе,
Таков наш с миром счет,
В зеленом Капбретоне,
Где изумруд течет.

Мир вам, лесные пустыни,
 Бабочки, ветви, цветы.
 Змей я встречаю здесь ныне,
 Но никогда клеветы,
 Мир вам, дубравные рощи,
 Сосны, весь бронзовый – бор.
 Здесь, без людского, мне проще
 С ветром вести разговор.
 Мир вам, в сапфировом небе,
 Звезды, созвенная нить.
 Благословляю мой жребий –
 Звездным и солнечным быть.

СЕРДЦЕДУГИ

Мирре Бальмонт

Порожденные от Солнца,
 Сердцедуги золотые,
 Я рудой и вы рудые,
 Семя в землю бросил я.
 Легкий ветер помогал мне,
 И для вашего закала
 В небе молния сверкала,
 С неба падала змея.
 Дождь серебряный с лазури,
 Жемчуг росный в зорях лета.
 Волны солнечного света
 Влились в желтый аксамит.
 Стала земь супругой неба,
 Цвет литавры многотрубен,
 Золотится звонный бубен,
 Царь-подсолнечник – горит!

ЛЕСНОЙ СТИШОК

Лесной стишок синичке
 Зачем не написать?
 У этой малой птички
 Вся жизнь – и тишь, и гладь,
 Скользнет от ветки к ветке,
 И с ветра на сучок, –
 Синицы не наседки,
 Их дух – всегда скачок.

Но мыслит не скачками
Крылатый синецвет: –
Нежнейшими стихами
Звенит лесной поэт.
Чистейший колокольчик,
Тончайшая игра.
Как бы на фейный стоельчик
Кто бросил серебра.
«Пинк-пинк» сребристойзвонный,
Воздушное «Вить-вить»,
И меди озаренной
Добавит в эту нить.
Кто друг веселой птички,
Тот слышал меж стволов,
Что в голосе синички
Живет девятислов.
Синичкина свистулька
Оживший к жизни лист,
Играющая пулька,
Чей взлет, – жужжащий свист,
Синичкина свирелька,
В древесной тишине,
Не малая неделька: –
От осени к весне.
Все певчие умчали
В заморские края.
Синичка – без печали –
Поет: «Здесь я! Здесь я!»
А Море – что же Море?
Поет одно «Аминь».
В синичкином уборе
Живет морская синь.
Волною ли проказить,
Вертеть веретено,
Или по веткам лазить, –
Не все ли нам равно?
Лишь только быть веселым,
За дело, чуть соснув,
И комарам, и пчелам,
Являть свой острый клюв.
И грех мой был не малый,
Сказал я – тишь да гладь.
Нет, нрав тут разудалый,
Ничем не удержать.
Какая тишь, где звуки?
Какая гладь, когда
Она упорна в стуче,
Как дятел – как беда?
Почувствует личинку
Под крепкою корой, –
И заведет волюнку,
Натешится игрой.

Почувствует, что близко
Какой-нибудь удод, –
В ней ярость василиска,
Подальше, заключет.
Неловкая глупица –
Ей ненавистный вид: –
В три раза больше птица,
А мозг в ней раздробит.
И снова с ветки к ветке,
Опять в пролом дупла,
И делает заметки
По всей коре ствола.
Живет! Живет не грубо! –
«А ну, еще скакну
От каменного дуба
На красную сосну!»
Синичка, ты кузнечик,
С кем ветер не чужой.
Ты малый человечек,
С великою душой!

УТРО-СКАЗКА

Утро-сказка. Чтó сегодня вздумал строить Океан?
Солнце, чаша дней Господня, рассекло туман.
И, алея, самоцветы разноцветною гурьбой,
Расплавляясь, расплывались в бездне голубой.
За ночь бешенствовал ветер, так всю воду закачал,
Что от края неба к краю всюду пляшет вал.
Вон далеко, там далеко, где сменилась ширь на даль,
Тут и там взгорбится влага, взбросит пыль-хрусталь.
Влажный прах перелетает от горба волны к горбу,
Стоголовый ветер стонет в гудную трубу.
Даль до дали, близь до близи, хороша сплошная ткань,
Стычки дружные волнений – дружеская брань.
Алых яхонтов давно уж в Море выгорел пожар,
Белый цвет вошел в зеленый, в синий, в синь-угар.
А на гулком побережье, где стою, заморожен,
Глыбы белые вспененья, пены взлет и гон.
Завитками груды хлопий, накипь легкая зыбей,
Точно белая овчина Короля Морей.

ВОСПОМИНАНЬЯ

Воспоминанья, возникая,
Заводят в сердце зыбкий спор,

Но вдруг бледнеет их убор.
Так птиц щебечущая стая
Ведет прерывный разговор,
В ветвях березы засыпая.
Все тихо. Светит звездный хор.

Я сплю. И милые улыбки,
Что, как горит звезда к звезде,
Светили мне когда-то, – где? –
Опять горят, И стонут скрипки.
Так в бледно-лунной череде
Весенние мелькают рыбки,
Скользя в серебряной воде.

Я умоляю, безглагольный,
Твержу одной, пока я сплю,
Что все одну ее люблю.
Мой сон – и грустный, и безбольный,
И, как уходит к кораблю
От берега, тая, след продольный,
Так тает след, который длю.

СОВЕРШЕННЫЙ ПОКОЙ

Когда опустятся ресницы
На побежденные глаза,
Горит ли в небе бирюза
Иль там агат и в нем зарницы, –
В душе, светясь, растет лоза,
Ветвей зеленых вереницы
И венценосная гроза.

Чуть позабывшийся, тревожно,
Опять кует обманы снов,
Опять в созвенности оков.
Что было правда, было ложно,
Он снова впить в себя готов,
На то, что больше невозможно,
Он мысленный готовит лов.

Лишь иногда, когда упорный,
Чрезмерный выполню я труд,
Как труп, как глыба, весь я тут.
Не знает разум лжи узорной,
Он грезу не свивает в жгут,
И я – в Каабе камень черный,
Вне волхвования минут.

В ДАЛЕКОЙ ДОЛИНЕ

В далекой долине, где дышит дыханье дымящихся давностью дней,
Я думал дремотно о диве едином, которое Солнца древней.
Как звать его, знаю, но, преданный краю, где дымно цветут головни,
Как няня – ребенка, я знанье качаю, себе напеваю: «Усни!»
В далекой долине, где все привиденно, где тело – утонченный дух,
Я реял и деял, на пламени веял, был зренье, касанье и слух.
В раздвинутой дали глубокого дола ходили дрожание струн,
Мерцанья озер и последние светы давно Закатившихся лун.
На свету там свету, на тени там тени ложились, как лист на листок,
Как дымы на дымы, что, ветром гонимы, бессильно курчат восток.
И я истомленно хотел аромата, жужжанья тяжелого пчел,
Но, весь бездыханный, был тихий и странный, мерцающий в отсветах дол.
Цветы несосчитанно в дымах горели, но это цвели головни,
И вились повсюду кругом однодневки, лишь день промерцавшие дни.
И тихо звенели, как память, без цели, часы, что мерцали лишь час,
Что были не в силах замкнуть в мимолетность – в века переброшенный сказ.
У всех однодневок глаза изумрудны, и саван на каждой – сквозной,
Во всех головнях самоцветы; но в дыме, охвачены мглой и золой.
В них очи, но волчьи, но совы, но вдовьи упреки и жалость о том,
Что, если б не доля, сиял бы там терем, где ныне обугленный дом.
В далекой долине, среди привидений, искал я виденье одно,
И падали в сонное озеро звезды, стеля серебристое дно.
Я жадно смотрел на белевшие пеплы, но вдруг становился слепым,
Когда, наклонясь над горячим рубином, вдыхал я развилистый дым.
Я реял и деял, я между видений досмотр приникающий длит,
А пламя древесное тлело и млело, ища перебрызнувших сил.
Деревья, где каждая ветка – свершенье, до самого неба росли,
А я, как скупец, пепелище ошарив, искал изумрудов – в пыли.
Воздушные лики, и справа, и слева, тянулись губами ко мне,
Но дива иного, что Солнца древнее, искал я в замгленном огне.
Внезапно сверкает разъятие клада, который скрывался года,
Но знай, что тревожить, безумный, не надо того, что ушло навсегда.
Едва я увидел глаза, что горели в мой царственный полдень звездой,
В далекой долине дремоты глубокой набат прокатился густой.
Где в струнном дрожаньи, над зеркалом влаги, качался, как лилия, сон,
Кричащим, гремящим, по огненным чащам, прорвался хромающий звон.
И сонмище всех однодневок безгласных громадой ко мне понеслось,
Как стая шмелей, приготовивших жало, как стадо разгневанных ос.
Я вскрикнул. И дух, отягченный как тело, в набате и дыме густом,
Крылом рудометным чертил неумело дорогу в остывший свой дом.

ДВОЕ

Два волка бегут, оба в небо глядят,
На небо глядят, он грызлив, этот взгляд.

Не волки бегут, а полозья скрипят,
Нежданные в терем доехать хотят.

Две свечки, так жарки, не дрогнут, горят,
Не дрогнут, горят и с собой говорят.
Не свечи, а очи, в глубь ночи их взгляд,
Тоска истомила, ах, счастья хотят.

Две птицы, две с крыльями, когти острят,
Добычу наметят, ее закогтят.
От клюва до клюва насупленный взгляд,
Два сильные сокола биться хотят.

Два волка на срезанный Месяц глядят,
Налит чарованием жаждущий взгляд.
На белой красавице зимний наряд,
Два сердца в несчастьи счастья хотят.

СВИТОК

Вьюга-Метелица,
Вьюга-Виялица,
Белая палица,
Воет и стелется,
Слитная делится;
Треплет сугроб,
Ноет, лукавится,
Ведьмою славится,
Там, где объявится,
Выстроит гроб.
Версты за верстами
С ликами вздутыми,
Версты за верстами
Смотрят сомкнутыми,
Версты за верстами
Встали разверстыми.
Чей будет срок?
Жалобно жалится
Вьюга-Виялица,
Гуди гудок,
Узрен глазастью,
Белозубастью,
Ведьмой вихрастью,
Вьюнош-вьюнок.
Вился он венчиком,
Ласковым птенчиком,
Бился бубенчиком,
Смерть невдомек,
Ехал к желанной он,

Вот бездыханный он,
В инее лик,
Хмелем окутался,
С Ведьмою спутался,
В хмеле поник,
Срывчатый вскрик,
Заколыбеленный.
В сказке не веленной,
Тянется, пялится,
Выгибом стелется
Вьюга-Метелица,
Белая палица,
Вьюга-Виялица.

СОН ПРЕЛЕСТНЫЙ

... Сень непостоянная, сон прелестный,
безвременномечтанен сон жития земного...
Требник

Люблю тебя, безгласный, странный,
Мой цвет безвременномечтанный,
В обрывной сказке бытия.
Мой целый день – благоуханный,
Когда ты миг один – моя.

Тебя встречаю я случайно,
Во взоре васильковом – тайна,
Как будто стеблем, вся – светла,
Вся волшебствуя чрезвычайно,
Ты в тело женское вошла.

Я вижу, взор твой молчаливый
Хранит, рассказанное нивой,
Все тайнодействие сил земных.
Твой каждый шаг неторопливый –
Колосьями пропетый стих.

Когда стоишь ты в светлом храме,
Безумными я скован снами,
Мои расширены зрачки: –
Твоими поражен глазами,
В них расцветают васильки.

Твой лик весь обращен к иконам,
А я иду путем зеленым,
Душистой узкою межой,
И, схваченный земным законом,
Тобою – небу я чужой.

Ты – в лике кроткой голубицы,
Твои – молитвенны зеницы,
И миг церковный жив псалмом, –
Во мне скликаются зарницы,
И дальний чудится мне гром.

Прости меня, мой сон прелестный,
В моей груди, внезапно тесной,
Весь труд земного жития: –
С такую нивою чудесной,
Лишь с ней, с тобою, я есмь я.

А ночью вижу сон счастливый: –
Спит ветер, забаякан нивой,
А я, уйдя земных оков,
Идя, бесплотный, сонной нивой,
Ищу – тебя меж васильков.

ИХ ПЕРСТЕНЬ

Свежий ветер, влажный воздух возле волн.
Ах, Тристан, тебя кладу я в черный челн.
Ах, Тристан, морская – верная вода.
Будешь ты с твоей Изольдой навсегда.
Разве в мире можно милых разлучить?
В ткань земную нам от Неба – к нити нить.
Разве чайка с светлой чайкой над волной
Не взлелеяны Безбрежностью – одной?
Разве ключ не верно входит в свой замок?
Смерть пришла. Любовь пришла. Восполнен срок.
И не нужно белый парус надевать.
С белым парусом – несмирная кровать.
Белый парус, это – труд, тяготы нам.
Черный парус – путь к невянущим садам.
Черный парус – ночь и ворона крыло.
Ночью – звезды. Ночью – любящим светло.
Так, Три стан. С тобой я с детских дней была.
Смерть ли я? Любовь – не более светла.
Смерть – любовь – любовь за смертью – череда.
Верь, морская – вечно верная вода.
Доплывешь ты до единственной черты.
Вновь поймешь, что ты – она, она есть ты.
Миг пронзенья. Самородок золотой
В горне сразу станет солнечной водой.
Копья Солнца к соснам прянут вековым, –
Сосны в цвете, золотистый всходит дым.
Луч от Солнца свой наложит жаркий знак, –
Легкий шорох, вмиг раскрылся алый мак.

Спит Изольда в халцедоновом гробу.
Победил ли человек когда Судьбу?

Спит в берилловом гробу, заснул Тристан.
В двух могилах им удел отдельный дан.
В двух могилах, и часовня между них.
Пойте, птицы! Трубадуры, спойте стих!
То, что Бог соединил, не разлучить.
В ткань земную нам от выси – к нити нить.
Тонкой нитью паутинится намек.
Из земли восходит нитью стебелек.
Из могилы – вот один, – а там другой
Древо с деревом – над крестом – рука с рукой.
Над часовней – ты срубай их не срубай –
Над разлукой – две любви – цветочный май.
Две любви? Любовь – везде – всегда – одна.
Сердце – с сердцем. Льет в них пламень вышина.
И срубали их три раза. Но король
Не велел, чтоб дольше длилась эта боль.
Так два дерева – обвенчались в вышине.
А часовня между ними – вся в огне.
В звуках музыки, в огне высоких свеч.
Сердце верное от сердца ль устеречь?
В ткань земную нам от Солнца – к нити нить.
Что любовь зажгла, – и Морем не залить!

ЛЮБЛЮ Я ЦВЕТЫ

Имени Тани Осиповой

Люблю я цветы – как любит мать свою нежный ребенок,
Люблю я цветы – как любит сердце, поняв, что означился срок,
Люблю я цветы – как любит птица другую, чей голос звонок,
Люблю я цветы – как любит цветок – чуть зацветший далекий цветок.

Все спят еще в доме – я в лес, один, иду спозаранка,
Смотрю, не расцвел ли, явив солнцегроздь, Испанский дрок,
Но в сердце моем расцветает одна голубая грустянка,
Земли не вкусивший, лишь неба испивший, хрупкий цветок.

Иду я до Моря – берег свой точит, синеет, клокочет,
Затихнуть не хочет, свершает свой бег; нападение и скок,
Не Море ли влагой своею соленой мне горькое что-то пророчит,
Две красные капли – я слышу – упали – там в сердце – на мой голубой цветок.

Домой возвращаюсь размеренным шагом – порой, на закате,
Одна одинокая тучка под Солнцем расплавится в огненный клоч,
Но огненной тучке, и Солнцу, всем солнцам, – о, всем без изъятий, –
Одно загашенье, и, кровью обрызган, там в сердце спит голубой цветок.

В земле от корней всех расцветов нежнейших прорежется ранка,
Люблю я цветы – как напев – как любовь – как гремучий поток,
Люблю я цветы – из цветов мне любя голубая грустянка,
Лампада горит пред иконой – сердцу больно – в нем вырос цветок.

FUGA IDEARUM

Имени Тани Осиповой

1

Прошла жара. И fuga idearum
Исчезла с нею. Разум ясно тих.
И копыеносно всходит мерный стих,
Взяв явор образцом и белый арум.

Душевный зной был пройден мной недаром.
Жесток, Судьба, удар бичей твоих,
Но верны звезды, – я исторг у них
Немую власть над собственным пожаром.

Шальной ли ветер мне принес зерно –
В мой сад – упор нездешнего побега?
Светло в цветке, когда в корнях темно.

Как дротик – стебель. В чаше – свежесть снега.
Отрава – в корне. Но волшебна нега,
С чьей лаской обручиться мне дано.

2

Что ворожит твое веретено,
О, Златокруг, столетьями воспетый?
Ты, Солнце, мечешь гроздьями планеты,
Чрез бездну бездн к звену стремишь звено.

Из тьмы тобою в мир изведено
Такое огнердение, вне сметы,
Что все цветы в цвета тобой одеты,
И золотое в каждом миге дно.

Но что на всем твоя мне позолота?
Дана. Взята. Так значит, не дана.
На что обрывки мне с веретена?

Мой мед – лишь мой – хоть солнечного сота.
Я – Человек. Не кто-то. И не что-то.

Я смерть клянусь, хоть смерть мне не страшна.

3

Зачем опять разбита тишина,
И с тем боренье, что непобедимо?
Все – водопад. Со звоном мчится мимо.
Но что мне все? Есть сила, что верна.

Люблю. Любовь была мне зажжена.
И вдруг ушла. Куда, – неисследимо.
Но шепчет вздох мне ладанного дыма,
Что в Вечном будет вечно мне верна.

Я слышал звук единственного слова,
Что к сердцу вдруг от сердца строит путь.
Но, в Юность глянув, Смерть сожгла сурово

Лобзанием нетронутую грудь.
Ты мной жила в последний миг земного, –
Приду к тебе, прошедши водокруть.

ИСТАИВАНИЕ

Имени Тани Осиповой

Забросать тебя вишеньем,
Цветом розовой яблони,
Сладко-душистой черемухой
Покадить с вышины.
А потом, в твоей горнице,
Как в постели раскинешься,
Самым вкрадчивым призраком:
Проскользнуть к тебе в сны.

В них проносятся ласточки,
Махаоны, крушинницы,
Над березовым кружевом
Гуды майских жуков.
Ты горишь, белогрудая,
Как светляк разгоревшийся,
Как морское свечение
Близи крутых берегов.

Я ночными фиалками
Расцветил твою горницу,
Я смотрю, как ресницами
Призакрыты зрачки.

И вдвоем, озареньями,
Упоившись растеньями,
Мы плывем привиденьями
До Небесной Реки.

СОН

Я спал. Я крепко спал. И сном непробудимым.
Свинцовый замкнут гроб. На палубе. В ночи.
По Морю плыл туман белесоватым дымом.
Со мной был длинный меч, лампада и ключи.

Все было сложено в приют неповторимый,
Пред тем как опустить меня на дно морей.
Я бился тем мечом, радея о родимой,
Дабы в густую ночь заря пришла скорей.

Для трудного пути должна служить лампада,
Чтоб то, чего добыть я не сумел мечом,
Я выпустил из бездн окованного ада,
Все двери отомкнув моим тройным ключом.

Когда свинцовый гроб достиг до дна морского,
Умерший выпустил на волю всех живых.
И я – но я другой – средь блеска золотого –
Летел превыше всех зарниц сторожевых.

ЛЕТУЧИЙ ДОЖДЬ

Летучий дождь, раздробными струями,
Ударил вкось, по крыше и стенам,
– Довольна ли ты прошлыми годами.
И чтб ты видишь сердцем – в синем Там? –

Горит свеча. Пустынный дом, тоскуя,
Весь замкнут в лике – Больше Никогда.
– Ах, в полночь об одном лишь вспомяну я,
Что мало целовал тебя тогда!

БЕЛЫЙ ЛУЧ

Сквозь зелень сосен на красной крыше
Желтеет нежно закатный свет.

И глухо-глуше – и тихо-тише,
Доходит шепот минувших лет.

Все тише, тише, и все яснее.
Я слышу вздохи родных теней.
За синим морем цветет лилея,
За дальней далью я буду с ней.

Совсем погаснуть, чтоб нам быть вместе,
Совсем увянуть, как свет зари.
Хочу я к Белой моей Невесте,
Мой час закатный, скорей сгори.

И вот восходит Звезда Морская,
Маяк вечерних, маяк ночных.
Я сплю. Как чутко. И ты живая.
И я, весь белый, с тобою тих.

МОРЕ

Из рыбьего блеска, из рыбьих чешуек, незримой иглою их сшив,
Раскинуло Море морскую поверхность, а в берег бросает прилив,
Серебряный пух здесь, а дальше, повсюду, в горячем играньи луча,
Отдав свою дань бирюзе, изумруду, морская горит епанча.

Все складки блестящи, одежда волшебна, готовил ее чародей,
Пожалуй, что здесь проплывали сегодня кишашие версты сельдей.
И блеск серебристый чешуй переливных остался в лазурной воде,
Чтоб тут в обрамленьи, и там в углубленьи, дрожать в световой череде.

Когда же багряное Солнце на грани – округлая в алом мечеть,
Поверхность морская – цветисто живая, густая каленая медь.
А после созвездья потянут в дорогу, идет с серебром караван,
И Море – всезвучный, с душой неразлучный, гремющий литаврами стан.

ЧАС УБЫЛИ

Сгустилась дымка синяя. Там, дальше лиловатая.
Агатовые прорези. Открытый Морем ил.
Побуду в безглаголии. Помедлю до заката я.
Дождусь возженья вышнего тысячезвездных сил.

Как грустно время убыли. Владеет океанами.
Она владеет душами. Она владеет всем.
Дохнет в умы безумием. Когтит. Играет странами.
Как тигр живым-повергнутым, что вот уж мертв и нем.

Пылает Солнце рдяное, но где-то там за тучами.
Скрепилась дымка сизая. Слепая муть и синь.
И ходят караванами и пенятся гремучими
Вскипанья океанские – среди своих пустынь.

Плывут ладьи крылатые. Но их в их мгле заметишь ли?
На осыпи, на оползне безжизненных песков?
Когда придет желанное? Узнаешь ли? Ответишь ли?
Я тень. Я мрак неведенья. Среди чуждых берегов.

Подкошенный, заброшенный, во мгле с неумолимыми.
Я с жалящими мыслями ломаю кисти рук.
Окуталась Вселенная пожарами и дымами.
Но чу, один, единственный, предтеча, верный звук.

Дохнул на версты шорохом, не праздными посулами,
Прилив, так долго медливший. Мне будет праздник дан.
Идет, гоним и гонится, весь облеченный гулами,
Он жив под звездным воинством, гремучий Океан.

БЕЗЛУННЫЕ НОЧИ

Безлунные ночи и грустны и немы.
Как будто бы тише и сам Океан.
Лишь в небе – созвездья, лишь в дальнем – поэмы,
Невнятные знаки неведомых стран.

Я знаю, – и кто же не знает, в ком мысли, –
Что Млечной Дорогой мы все рождены.
Лампады зажглись, в Беспредельном повисли,
Я с ними молюсь – из моей тишины.

Мы вместе. Я с Богом. Но что ж мне? Но что мне?
Я вечно ли буду свечою земной?
Звезда упадет. И голос в ней: Помни.
Мы разные строки, но песни одной.

ОТ СОЛНЦА

От Солнца – золото, пушистый грозд мимозы,
Подсолнечник, оса, вскрик иволги, топаз,
Одетый в пламя гром, в запястьях молний грозы,
 И нежный запах чайной розы,
 И тихий свет влюбленных глаз.
От Солнца – грозное безгласие Сахары,

Где в тени красные рядит пески закат,
Нарциссов душистый аромат,
И пляс толкачиков, и в гуле жерл пожары.
Летающий змеем смерч, бестрепетный зрачок
Орла, узнавшего, как сильны в лете крылья,
Бенгальский тигр, его прыжок,
Сто зерен в колосе, в ста царствах изобилье.
Сильней, светлей, грозней, богаче Солнца – нет
Ни силы, ни светил, в нем все, что в нас, земное.
Но, зная верный ход планет,
Я мыслью ухожу в сильнейшее, в иное.
В безлюдьи, со скалы смотрел я в Океан,
Где алый шар горел средь голубого гула,
Там Солнце на ночь потонуло,
И след его лишь был – багряных тучек стан,
Где красочный чуть тлел дурман,
Где рыба красная, плавя, хвостом плеснула.
И думал я тогда: Вот так я схоронил,
Несчетность алых солнц, плененных черной ночью.
Я знаю – есть земной и есть небесный Нил.
Я много тайн ночных следил,
По звездному бродя немому узорочью.
Через оконце ли пронзающих зрачков,
Тропой ли вещей сна, мечтой ли в хмеле пира,
Мой дух имеет власть умчаться из оков,
До Запредельного – на грань – в безгранность мира.
О, Солнце – жизнь и ярь, цикады кастаньет,
В сплетении – тела, и в хороводах души.
Но, зная точный ход планет,
Я жажду голосов, что внятнее, хоть глуше.
Достаточно я был на этом берегу,
И быть на нем еще, – как рок, могу принять я.
Но, солнечный певец, как Солнце, на бегу,
Свершив заветное, час ночи стерегу,
Чтоб в Млечном быть Пути, где новых звезд зачатъе.

СКАЗ КАМНЯ

Извечным, исподним, из недр исходящим,
Исторгнутым вкось из седой старины,
Мне кажется камень над Морем, звучащим,
Как рокот одной семиверстной струны.
Обломок дольмена? Вознесенность менгира?
Рунический камень забытых веков?
Не ближе ли к зорям, к зачатию мира?
Обломок потопших давно берегов?
Извергнут из бездны? Закинут из выси?
Один – не изъеденный зубьями дней,
Где некогда были лукавые рыси,

Лишь козы срывают верхушки стеблей.
Где некогда к зубру рычали медведи
О радостях схватки средь чащи лесной.
Лишь волны да волны в созвучной беседе;
Да кружево пены сквозной пеленой.
И детские вскрики из дальней деревни
Вплетаются в лепет, в полет ветерка.
Не сказка ли – были? И был ли тот древний
Размах исполинский, чья рама – века?
Но вот издалека, безвестно откуда,
С черты кругоёма, гульлив, говорлив,
Качая и теша пришествие гуда,
Уж мчит, набегает, подходит прилив.
Объем переключки всех тех, чье хотенье
Гремело из пушек, свистело стрелой,
Кто должен был жаждать – достичь отдаленья,
И шествовал громом, взлелеянным мглой,
Одни – потонули, другие – убиты,
И худшую третьи узнали печаль,
Что ломки былинки и хрупки граниты,
И близко-доступна дальнейшая даль.
В чем вольная воля? Не в жажде ли воли?
А воля – неволя, коль воля – в руках.
Срываясь кометой, летишь не на дно ли?
Не прах ли наш вечный – в чужих берегах?
Какая истома, какой тоска мне
Всю призрачность видеть земных перемен.
Я пепел под Солнцем, я распят на камне,
Забывтое знамя проломленных стен.
Поет, но не внемлет, простор Океана,
Он жаждет и точит, он хочет всего.
Добросил залы он из дальнего стана,
Во всем лукоморьи созвучья – его.
И вдруг утоленье. Пронзает услада.
Сверши назначение крови своей.
Пролей, если нужно. Чужую – не надо.
Но в мире свершений – своей не жалеи.

НЕОТЦВЕТАЮЩАЯ СИНЬ

Как стих расскажет красоту,
Чей вечный смысл неисчерпаем?
Стрижи летят, и налету
Свистят, а мы внизу внимаем.
Чем манит остро-четкий свист?
Мы с ним и в нем – на вольной воле,
И самый нежный аметист,
Сквозясь, цветет в небесном поле,
Как мысль расскажет Океан?

В себе раскрыв окно прогалин
И сказкой став далеких стран,
Чей зов и весел, и печален.
 Духовным оком ластись к сну,
 Который снится богоданно,
 И, чуя свежую волну,
 Пропой мгновенье, с ней слиянно.
Чрез весь простор поет она,
Из края в край спешит певунья,
Сродни ей цельная Луна
И тонкий очерк Новолунья.
 Она качает светотень,
 И сколько звонких этих вестниц,
 И в каждой новая ступень
 Всходящих – падающих лестниц.
Все то же Солнце в вышине,
Что в первый час, на ранней грани,
И спит Лемурия на дне,
Спит Атлантида в Океане.
 Все та же синь перед тобой,
 Что уводила Одиссея,
 Все той же сказки голубой
 Неистребимая затея.
Закинь свой невод поверней,
И сеть, сплетенную лукаво,
Из бездн исторгни, – видишь, в ней
Добычи плещущая слава.
 И, если жаждешь взять свое,
 В ней диво-рыба попадетя,
 Увидишь, взрезавши ее,
 Что древний перстень в ней смеется.
Победен светлый смех богов,
Не меркнет светлый лик героев,
От берегов до берегов
Разбег свершений меж устоев.
 Мы не свершили своего,
 Еще нас давит день вчерашний,
 Но – завтра ждет, зови его,
 И новый праздник вскинешь башней.
Не о потопших говорит
Тот гул безмерный бездны синей, –
О слитьи в цельность новых плит,
О красоте взнесенных линий.
 Когда же наш придет черед,
 Свершив, потонем в синей сказке,
 Но наша мысль, душистый мед,
 Войдет в узор иной завязки.
В той дальней мгле грядущих лет
Переместятся океаны, –
И, горный выдвинув хребет,
Подводные возникнут страны.

МОРСКОЙ ПАСТУХ

Морской пастух, брожу безмолвный
По сдвигаемой черте,
И в свете дня пасу я волны,
А ночью звезды в высоте.

Отлив смежается с приливом,
Тоска сменяется во мне
Порывом вольным и счастливым,
И в вышнем я тону огне.

Вся малость в сердце спит глубоко,
И, к вечным празднествам спеша,
Не человеческое око,
Тех звезд касается – душа.

К родным потокам тяготея,
Весь прохожу я Млечный Путь,
И знаю, млея и немея,
Что буду там когда-нибудь.

Но, погостив в краях родимых,
Устав скитаться в вышине,
Опять тону я в синих дымах,
В подводных пропастях, на дне.

А ветер взвил мой бич пастуший,
Мой дух, бессонный разум мой,
И Океан ночной все глуше
Гудит вещательно: «Домой!»

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Сегодня ночью Океан
Гремел необычайно.
А в сердце – розы дивных ран,
А в рдяном сердце – тайна.
Оно горит, – и вот он, сад
Из огненных растений,
Кругом полночный пережат,
Напевный гул гудений.
Но что мне сердце? Что мне ночь
В беззвездности безлунной?
Что было здесь, умчалось прочь,
Я в музыке бурунной.

Какая там виолончель.
Глубинные рыдания.
Какой свирели тонкий хмель.
Разгулы труб. Гаданье.
Считает мир. Гадаю я.
Что мыслится там в небе?
В глухие стены бытия
Бьет молотом мой жребий.
Мой молот – быстрый молоток,
Незримый молоточек.
Ведет меня в мой верный срок,
Введет без проволочек.
И в мире царствует разлом,
Пришел к нам век железный.
Вскипай, огонь, бесчинствуй, гром,
Раскройте зев свой, бездны.
Но пусть потопли острова,
Где в честь меня плясали.
Но пусть измяты все слова,
Разбиты все скрижали.
Но пусть вода, но пусть огонь
Мою терзают землю.
Я в вихре звуковых погонь,
Я Океану внемлю.
И в дрожи дремлющих ресниц
Росинка, зыбь в алмазе.
Сквозь Хаос, с грохотом бойниц
Я в неразрывной связи.

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

(12-й век)

Норвежская баллада

Вокруг Сицилийских я плыл берегов,
Оружие наше блистало.
Мой черный дракон, преисполнен бойцов,
Стремил достающее жало.
Валы рассекая средь ночи и дня,
Все взять я хотел своенравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я бился в Дронтгейме с рядами врагов,
И гуще их были дружины.
На каждый удар был ответный готов,
Меня не сразил ни единый.
Был конунг сражен мной. Бегущих гоня,
Служил мне клинок мой исправно.

Но Русская дева отвергла меня.

Белела вослед корабля полоса,
Нас было шестнадцать, и буря
Раздула, ветрами налив, паруса,
Чело тученосное хмурия.
И бурю на бурю – на битву сменя,
Победу я брал полноправно.
Но Русская дева отвергла меня.

И все в удальствах мне охота пришла
До крайнего вызнать изгиба.
Не выбьет горячий скакун из седла,
Я плаваю в море, как рыба.
Когда – на коньках, я быстрее огня,
Весло и копье мое славно.
Но Русская дева отвергла меня.

И каждая дева с любою вдовой
Узнала, и это пропето,
Что всюду на юге встречаю я бой
При пламенах первых рассвета,
Зовет меня Море, за край свой маня,
И даль мне шумит многотравно.
Но Русская дева отвергла меня.

Я горец, рожден меж обветренных скал,
На луках там звучны тетивы.
Стрелою я цель не напрасно искал,
Корабль мой – набег торопливый.
О камень подводный дракон мой, стена,
Заденет – и вынырнет плавно.
Но Русская дева отвергла меня.

МОРСКОЙ СКАЗ

Людасу Гире и всем друзьям в Литве

Литва и Латвия. Поморье и Суоми.
Где между сосен Финн Калевалу пропел,
Меж ваших говоров брожу в родном я доме.
Венец Прибалтики. Вещательный предел,
За морем – Швеция. Озера. Одесную –
Оплот Норвегии. Ошуйю – я ликую.

Там где-то некогда, – кто молвит точно, где? –
Свершилось – для меня единственное– чудо: –
Молился предок мой! И к Утренней Звезде
Не он ли песнь пропел, под именем Вельмуда,

Что по морям хотел настигнуть горизонт,
И стал поздней – Балмут, и стал – и есть – Бальмонт?

Всегда в хотении неведомого брега,
Я проплывал моря к неведомой стране.
И, в летопись взглянув, я вижу близ Олега
Вельмуда. Нестора читаю, весь в огне.
И голубой просвет ловлю родного взгляда: –
Прибил свой щит Олег на тех вратах Царь-Града.

Не указанье ли, что с детских дней во мне
Неизъяснимая вражда к красе Эллады?
Мой пращур бился там, и на глубоком дне
Морским царевнам пел, – как пел Садко, – баллады.
Не память ли веков, бродячих и морских,
Что синь морскую я всегда вливаю в стих?

Когда впервые мне, ребенку, дали браги,
Еще я мало что о вольном мире знал,
Но гости, – мнилось мне, – те древние Варяги,
Чей смелый дуб-дракон рассек сильнейший вал.
Чрез полстолетие все то же в сердце пенье.
Я помню проблеск тот. День Пасхи. Воскресенье.

Мне говорила мать, что прадеды мои
Бродили по Литве. Когда-то. Где-то. Кто-то.
От детских дней люблю журчащие ручьи,
И странной прелестью пьянит меня болото,
Узорный дуба лист, луга, дремучий лес,
И сад, и дом отца, с узорами завес.

Кто камыши пропел? Ах, что мы знаем! Ящер,
Что в дни цветение Земли гигантом был,
Не ящерки ли он, в веках забытый, пращур?
И в искре из кремня – не ста веков ли пыл?
Я камыши пропел, как до меня не пели.
Но раньше пел Литвин, играя на свирели.

Чья песнь о лебеде Россию обошла?
Ее еще поют. Поют и в чуждых странах.
Кто в яркий стих вложил мгновенный блеск весла,
Болотной лилии красу и зорь румяных?
Я говорю: Не я. Но кровь во мне жива,
В чем вспеве, лебедем, пlying, поет Литва.

Я видел вещий сон. Безмерное болото.
Все в белых лилиях. В избе живет колдун.
В оконцах свет зари. Играет позолота.
Ведун перебирал перебеганья струн.
Он песнь о Солнце пел. Живет та песня, Дайна.
Мне чудится, тот сон мне снился не случайно.

Не черный звался он, а Белый Чаровник,
И было перед ним Волшебное Болото,
Завороженное. В лесу и гул, и клик.
Ломает путь кабан. Уносится охота.
Колдун поет свой сказ, лелея струнный звон,
В нем путь, и пенный вал, и черный дуб-дракон.

Певучий длился сказ. В глухом лесу усадьба.
В ней много комнаток. Полна богатства клеть.
Яруют мед и хмель. И в яркой яри свадьба,
Как лебединую отрадню песню спеть!
Любимый – не любим. Прощай, моя дубрава.
Иду я в край иной. Пред смелым всюду слава.

Иди, буланый конь. Люблю я звук копыт.
Уж дом родной – как дым, за синей гранью взгорья.
В морской душе восторг морской не позабыт.
Вперед. За ширь степей. Чу, рокот Черноморья.
И баламутил он, с конем, и там, и тут.
Мой прадед, дед отца, смельчак, боец, Балмут.

Как перелился сон и стал былым, столь явным,
От моря Черного плеснула кровь куда?
Нет, не назад в Литву, к убежищам дубравным,
За лесом Муромским – любви зажглась звезда.
И сон того я сна. А где проснусь? Не знаю.
Хочу к неведомо-единственному краю!

ИМЯ-ЗНАМЕНЬЕ

Вязь сонетов

1

Ты, Солнце, мой отец, Светильник Неба,
Луна – моя серебряная мать.
Вы оба возбранили сердцу лгать,
Храня мой дух от черных чар Эреба.

Лоза и колос, знак вина и хлеба,
Мой герб. Мой пращур – пахарь. Нет, не тать,
Он – виноградарь. Он любил мечтать.
Любовь – души единая потреба.

Любовь и воля. Дух и плоть одно.
Звени, напев, через поля и доли.
В горах, в степи. В лесу, где даем темно,

Укрой листвою ствол, от стужи голый.

Спаяй приметы в звонкое звено.
Испивши Солнца, будь – пребудь – веселый.

2

Кто предки? Скифы, Чудь, Литва, Монголы.
Древляне. Светлоокий Славянин.
Шотландия. Гора и глубь долин.
С цветов свой мед везде собирают пчелы.

Цветок душист. Но это труд тяжелый
Составить улей, выбрать ствол один,
Разведав свойства многих древесин.
И капля меда – мудрость древней школы.

Кто предки? Вопрошаю снова я.
Бреду в степи и вижу снова: Скифы.
Там дальше? Озирис. Гиероглифы.

Праматерь-Дева: Индия моя.
Багдад, где спят свершители-калифы.
Пред строгим Парсом – пламеней струя.

3

Вести ли нить к истокам бытие?
Чуть что найдешь, уж новое искомо.
Что люди мне! Среди зверей я дома.
Сестра мне – птица, и сестра – змея.

Меня учил паук игре тканья.
Кувшинки, цвет лесного водоема,
И брызги молний с долгим гулом грома,
И снег, и свист ветров – одна семья.

Люблю не человеческое знанье,
А смысл неукоснительных наук,
Что точно знают бабочка и жук.

В одной – моей душе обетованье,
В другом – приказ пропеть упругий звук.
В моем гербе – лоза, и в ней – вещанье.

4

Она безгласно вынесла топтанье,
Проворных в пляске, напряженных ног,
И брызнул красный, лился белый сок.
Она пережила пересозданье.

В безлюдное потом замкнута зданье,
Она ждала, хмелея, должный срок.
И влит в хрусталь играющий поток,
Безумя ум, вливая в смех рыданье.

По городам, через нее, гроза.
И пляшут, восприняв ее, деревни.
В ней крепкий дух.
В ней смысл исконно-древний.

В ней острый нож. В ней нежные глаза.
И стих поет, все явственней, напевней,
Что хороша – среди песков – лоза.

5

Когда звенит протяжно стрекоза,
Июль горит, свой лик воспламеняя.
Повсюду в мире мудрость есть живая,
И радугу хранит в себе слеза.

Глянь, васильки. От Бога – бирюза.
Лазурь средь нивы – сказка полевая.
Крепчает колос, зерна наливая.
Скрипят снопов тяжелые воза.

Серпы сверкали силой ятагана,
Но в правой битве с твердостью стеблей.
Снопы – как алтари среди полей.

Мой пращур, ты проснулся утром рано,
И колос, полный власти талисмана,
В мой герб вковал на всю безбрежность дней.

6

Но ведал ты и меч. Среди зыбей
Верховных туч, где древле, в бездне синей,
Гремел Перун, грохочет Индра ныне.
Учился ты свергать ярмо цепей.

Прекрасна тишь. И мирный мед испей.
Но, если ворог – волк твоей святыне,
Пусть брага боя, вместо благостыни,
Кипит, пьяня. Оплот врага разбей.

Лишь вольный мир – подножие амвона,
Достойного принять завет луча.
О, пращур, сохи и с ней меча!

Мой храм – Земля, но с кровлей Небосклона.
Издревле кровь смела и горяча.
Сильнее – дух. От духа – оборона.

7

Баал и Бэл был пламень Вавилона,
Над вышней башней – Солнца красный шар.
А Монту – бог Луны, бог нежных чар,
В стране, где Нил свое качает лоно.

Бальмонт – певец всемирного закона,
Он должен славить солнечный пожар.
Лелеять в звуках вкрадчивый угар
Торжеств весны и праздничного звона.

Увидев счастье, говорю: «Мое!»
Моя в закатном небе пирамида.
Моя Земля. Люблю как Мать ее.

И помню, все измерив бытие: –
Бальмунгом звался светлый меч Зигфрида.
Из мрака к свету царствие мое.

В ЗВЕЗДНОЙ СКАЗКЕ

Я видел ибиса в моем прозреньи Нила,
Фламинго розовых, и сокола, что вьет
Диск Солнца крыльями, остановив полет,
Являясь в реяньи как солнечная сила.

Тропическая ночь цикадами гласила,
Что в древней Мексике сама земля поет.
Пчела Индийская мне собирала мед,
И были мне цветы как пышные кадила.

В Океании, в ночь, взносился Южный Крест.
И птица-флейта мне напела в сердце ласку.
Я видел много стран. Я знаю много мест.

Но пусть пленителен богатый мир окрест.
Люблю я звездную России снежной сказку,
И лес, где лик берез – венчальный лик невест.

ЛЕСТНИЦА СНА

Сначала раскрылось окно,
И снова закрылось оно,
А дух опустился на дно.
И сделалась вдруг тишина
Такою, как ей суждено
Бывать, если встала Луна,
Молчать, ибо светит – она.
Сначала, в сомкнутости глаз,
В тот тихий тринадцатый час,
Возник от Луны пересказ,
Приникших до чувства, лучей.
И где-то светильник угас,
И где-то блеснул горячей.
Был дух равномерно ничей.
Потом распустился цветок,
И он превратился в поток,
Беззвучно-текуч и глубок,
Из красок, менявших свой цвет.
И дух он тихонько увлек
В качавший все тайны расцвет,
Где путь задвигает свой след.
Тогда зачарованный слух,
Тогда обезумленный дух
Зажегся, и снова потух,
В себя запредельности взяв.
Но тут звонкогласый петух
Пропел для рассветных забав.
И росы блеснули меж трав.

ТАЙНОЕ ВЕДЕНЬЕ

Свет привиденный на сонных ракетах
Бережно Месяц ущербный кладет.
Тайное веденье в веках закрытых
Глубже, чем ведает солнечный счет.

Стрелки часов от зари до заката,
Время считая, до тайн не ведут.
Чаша цветка перед вечером сжата,
Весь аромат ее замкнут, но тут.

Сосредоточившись в сумрачном быте,
Копит он силу в ночном бытии.
Сказка ущерба скользит по ракете,
Черпают веденье веки мои.

СФИНКСЫ

Мы мелькаем – мы сфинксы – мы бабочки ночи.
Мы проходим и реем, как шорох вершин,
В нас зеницы из тех же немых средоточий,
Где высокое Солнце – всегда властелин.
По расплавленным зорям, в волнах аромата,
Мы в мгновенье роняем цветное Когда-то.

КРУГОЕМ

Вырвалась из творческого лона,
Искра из горящего костра;
Полная лелеемого звона,
Вот она, воздушная сестра.

Вырвалась душа для начинаний,
Бросила незыблемый оплот.
В полночи и в огненном тумане
Быстрый устремляется полет!

К самому далекому пределу
Первое движение крыла.
К лунному белеющему телу.
Огненная в лунное вошла.

Солнечная сделалась полночной,
Звездною обрызгалась росой.
Реет ли она в ночи бессрочной?
Вниз ли устремляется с грозой?

Чувствуя растущую истому,
Делает несчетные круги.
Белая скользит по кругоному.
Зоркую минуту стереги!

Быстро сокращается вращенье.
Больше захвати голубизны.
Точка. Завершение. Рожденье.
Знай полет примет, и веруй в сны!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

И вновь, как в первый раз, весна

Первоначальна и нежна.
И ткется в памяти рассказ,
Как полюбил я в первый раз.

Я был, но не был я поэт,
Мне было слишком мало лет.
Для слов еще не прибыл срок.
Но всюду чуял я намек.

И был и не был я поэт,
Но ясно видел ткань примет.
И разумел я птичий крик,
И знал, о чем поет родник.

Я знал, в чем смысл и в чем тут счет,
Коль кошка мягко спину гнет,
И свой извивный хвост змеит,
А взор горит, как малахит.

По ржанию лошади следил
Течение злых и добрых сил.
Смотря, как ухом конь прядет,
Читал я нечет или чет.

По флейте иволги, я ждал,
Чтоб вешний гром загрохотал.
И слышал в звуке я другом,
Что налилась она дождем.

Призыв малиновки в кустах,
«Зии», прерывный, взрывной страх,
Я знал, остерегал подруг,
Что ястреб близко чертит круг.

Ворчанье сетера во сне,
В час зноя, говорило мне,
Что и в дремоте шлет он клич
И стойкой указывает дичь.

Раскатный голос петуха,
Как возглас вещего стиха,
И луч, лежащий на полу,
Вечернюю вещали мглу.

Мычанье медленных коров
Мне было вязью кротких слов,
Что добрый им уют в хлеву,
И что в довольстве я живу,

Смеясь, играл бичом пастух,
Он хлопал им и тешил слух.
И топот вспугнутых овец

Гласил, что дню пришел конец.

Мне было внятно, почему
Приходит ночь и стелет тьму.
Мне снились лестницы в ночи,
Перила – звонкие лучи.

И я всходил, и я сходил,
Был звон кадил, и сшибки сил.
Во сне и снах – как в бездне мы,
Но всходит Солнце нам из тьмы.

Весна. Наш деревенский край –
Держава в светлый месяц май.
Как скипетр царский – каждый сук,
Где шелест, лист и певчий звук.

Сережки ветер для берез
Из кладовых зимы принес.
Запястья всюду разбросал.
Бери, кто стар. Бери, кто мал.

Отвеян утренний туман,
Весь луг наш – синий сарафан.
А там, и там, и там – лужки,
Как красно-желтые платки.

На ивах сколько желтых бус!
Межа – ширинка и убрус.
Была от Солнца здесь игла,
И все пруды как зеркала.

Увит кустами наш балкон,
В сирени стон, жужжащий звон.
В ней пчелы, осы и шмели,
Средь слуг созвучий – короли.

Та бабочка, что так бела,
Ее снежинка родила.
А махаон – игра желта,
Он из осеннего листа.

Там возле лужиц путевых
Как много малых, голубых!
Их колокольчик голубой
Лукаво вытряхнул гурьбой.

А сам с невиннейшим лицом
Качает синим бубенцом.
И чу, заводит: «Динь-динь-динь!
Я цветом синь! Печаль закинь!»

И трясогузка, – бег красив, –
Свой меткий клювик устремив,
Танцует в беге, слыша звон,
И хвостик гордо вознесен.

А ласточка там далеко
Мне кажется белое брюшко.
Сама черна и черен глаз.
Ее вы знаете ли сказ?

Весь круглый год была она
В белейший снег облечена.
Да захотелось за моря,
Взглянуть, как топится заря.

Летит и к Морю держит речь,
И угодила прямо в печь.
Вся в саже, вырвалась едва,
Но уцелела голова.

И к нам. «Везде я путь свой длю.
Но вас – я вас – я вас люблю!»
Поет, не ведая о чем,
И с первым к нам летит лучом.

Летит – прыдет, сидит – поет,
И от нее к нам в сердце мед.
И снова в Африку лететь,
Смотреть, как там готовят медь.

У Фараона глянет в счет,
Лукавым хвостиком вильнет.
И к нам. Догнать ли кораблю?
«Я вас – я только вас люблю!»

И я люблю тебя, с тех пор,
Как существует уговор
О, вестовщица, меж тобой
И каждой Русскою избой.

Люблю цветы, зверей и птиц,
И пряжу вещую зарниц,
Во ржи цветок лазурных грез,
И вызревающий овес.

Люба мне, мудрости пример,
И гусеница землемер: –
Свой мерит лист, а сорвалась,
Есть шелковинка в тот же час.

Тончайший шелковый канат,
В родную зелень – путь назад,

И там совет себе кокон,
И цветокрылья ткет сквозь сон.

Люблю и майского жука,
И трепет грустного смычка,
Вечеровой напев стрекоз
О том, что лето пронеслось.

Я с каждым годом все светлей
Люблю летящих журавлей.
И я – случится – улечу
К недостижимому лучу.

И это все, о, дальний мой!
Ты чаял повести иной?
Ты думал – дам тебе припасть
К вину, чье имя в мире страсть?

Но как же быть мне, сам реши.
Я вырос в ласковой тиши,
И первая моя любовь
Мне приказала: «Славословь!»

И славлю, славлю я с тех пор.
Из славы миру тку убор.
Я птичка-славка. Ты не знал?
Мой дух велик, хоть путь мой мал.

Я славлю мудрого Отца,
И тайный, добрый свет лица.
И ныне снова возвестил
Расцвет всех душ и свет всех сил.

ОСНОВА

1

Желанна Духу крепкая основа.
В доспехах тяжких – легкий витязь ум.
Лишь взяв размерный груз в глубокий трюм.
Корабль – владыка бешенства морского.

Нужна для таинств мощная дубрава,
Друиды в ней не праздный слышат шум.
Когда в пустыне яростный самум,
Верблюды и тюк – оплот и верность крова.

В незрячих днях иди к громадам гор,
И ты поймешь, устав алкать святыни,

Что для величья нужны нам твердыни.

Но только зовом правды честен спор.
Стремление – жизнь, от века и донине.
Острийным взбегом ввысь красив собор.

2

Острийным взбегом ввысь красив собор,
Его кресту, от Солнца дань привета,
Первее всех – мерцание рассвета,
В том сердце с Миром тайный договор.

Для храма – высь. Так было с древних пор.
Так будет впредь. От первого завета
До песни, что мечтой еще не спета.
В том духу знак и в том душе убор.

Все выше, выше. Светлая отвага.
Всегда идти за дальнюю черту.
Высок, – узнай иную высоту.

Но не забудь: Верна земная тяга.
И знай, стремя к воздушному свой взор: –
Начало храма – каменный упор.

3

Начало храма – каменный упор,
И как бы в мире быть могло иначе?
Лишь в твердом обойму мои задачи,
Лишь в нем преоборю земной мой сор.

Дай мрамор мне. Из кедров дай мне бор.
И храм – мой дом. А пал он, – в горьком плаче
Прильну к стене последней наипаче,
К былой святыне проскользну как вор.

И буду биться, буду верить снова,
Под ликом разным, вечно – человек,
Инду ли, Русский, Элли ли, Ацтек, –

Что Бог мой – Бог, и больше нет другого.
До Моря – ход всех многоводных рек.
Пред взрывом слов – вначале было Слово.

4

Пред взрывом слов – вначале было Слово,

Везде, во всем, согласное, одно.
Еще не различались высь и дно,
Еще в небесном не было земного.

Весь мир – блаженство брачного алькова,
Несчетность солнц и звезд – к звену звено.
Воспламененье, бег, веретено,
Безмерный гуд напева волевого.

Во всем, что небом стали звать потом,
Распространялось рдяное цветенье,
Из пламени горячие растенья.

Цветы из молний. Лепестковый гром.
И, вещий, я, испив вина живого,
Люблю разбег богатства травяного.

5

Люблю разбег богатства травяного,
Мне желтые и красные цветы
Суть тайнопись древнейшей темноты,
Пронзенной властью огненного зова.

От розы и от ландыша лесного
Доходит весть той цельной красоты,
Где в Вечном – Он, и мир, и я, и ты,
Где каждое мгновение медово.

Жужжанье пчел – Его доселе хор,
Начальность жизни в жаворонка влита,
О Нем шуршит приречная ракета.

Когда пою, веду с Ним разговор.
Гроза и вихрь – бессмертная мне свита,
Святая степь – душевный мой простор.

6

Святая степь – душевный мой простор,
С звенящими, как греза, ковылями,
С волнистым ветром, веющим стеблями,
Берущим их в мгновенный перебор.

Бегу тех мест, где каждый шаг – забор.
Не медлю ни в людской, ни в волчьей яме.
Я в вольном, голубом, округлом храме,
Где все цвета сплелись в один ковер.

Благодарю Всемирное Горенье,

Мне давшее негаснущую цель.
Я мысль. Я страсть. Я жизнь. Я взлет. Свирель.

Я – Божья правда радостного пенья.
А степь пройду, – найду иной простор,
Пою леса, поля, лазурь озер.

7

Пою леса, поля, лазурь озер,
Весенний взмет обильных рек в разливе,
Цвет золота разбросанный по иве,
Зеленовейных рощ резной узор.

Бросок челна, весь ткацкий стан, хитер.
Под гуд времен, все ярче, прихотливей,
Снуется нить. Так ветер в конской гриве,
В нее вплетясь, являет свой задор.

Звенят подковы сказочного кова.
Чей молот был? Какой ковач ковал.
Оаннес? Один? Озирис? Ваал?

Гремучий Индра? Ярый Иегова?
Кто б ни был, но хранит в себе закал
Все старое, что сердцу вечно ново.

8

Все старое, что сердцу вечно ново,
Таит в себе приметы, семена.
Есть существа – во тьме морского дна,
Окраска их – багряна и багрова.

Ты хочешь ли таинственного лова?
Рас слышать речь, в которой глубина?
Желай. Желанье – звонкая струна.
Пласты густые хотью взрой сурово.

Спусти свой лот в глубокий водоем.
Нетронутые выбери пределы.
Узнаешь то, что знают все, кто смелы.

Есть свиток дней, и мы его найдем.
Но надо знать, – чтоб смысл увидеть целый,
Который час на берегу морском.

9

Который час на берегу морском?
Когда пришла минута разлученья
Огня, земли и водного течения,
И бывший друг стихийным стал врагом?

Не все возьмешь считающим умом.
Но есть неизъяснимое внушенье,
И ряд зеркал, и повесть отраженья
В провидческой душе, объята сном.

Когда еще в младенческой кровати
Лежит пророк, что вымолвит слова,
Которыми Вселенная жива, –

Над ним существ нездешних реют рати
И шепчут, как столитная листва,
Который час на звездном циферблате.

10

Который час на звездном циферблате, –
Узнал, в свой миг, Сиддартха, Лаотзэ,
Все те, что нас ведут в ночной грозе,
Через моря, пустыни, топи, гати.

Владычица созвучий, Сарасвати,
Сверкни в мой стих, как светит луч в лозе,
Как небо задержалось в бирюзе,
Как сумеречный час заснул в агате.

Дозволь мне, в начертаньи золотом,
Ты, мудрая на царственном павлине,
Сгустить все грозы в ткущейся былине.

Глядит ли Вечность в молнийный излом?
Прошел ли Бог по звуковой картине?
Как мне узнать? Мгновение – мой дом.

11

Как мне узнать? Мгновение – мой дом.
Но одного мгновенья было надо,
Чтоб на кресте – разбойника – из ада –
Взнести туда, где Светлый Сын с Отцом.

В одно мгновенье венчан царь венцом.
В единый миг сгущенная прохлада
Чернейших туч зажечь огниво рада,
И вот он, пламень с огненным лицом.

Скажите мне, всеведущие птицы,
Кто вас учил – крылом овеять мир?
Кто строит семицветный мост как пир?

Не слезы ли отшедшей огневицы?
Возьми свой свет, и заступ свой, и лом.
Есть златозернь. Земной расторгни ком.

12

Есть златозернь. Земной расторгни ком.
Мы можем иссекать движеньем волн
Живой восторг из самой острой боли.
Магнитом мысли к тайнам дух влеком.

Красиво быть в себе и быть в другом.
Горячий кубок ходит в синем поле,
И будем пить мы золото, доколе
Нечеловек засветится в людском.

Не скорбь, не страх мне слышится в набате.
На крыльях вихревых он мчит меня
На торжество творящего огня.

Мы в Смерти – не в разлуке, а в возврате.
Всходя и нисходя, плывя, звеня,
Хоти, – и причастишься благодати.

13

Хоти, – и причастишься благодати.
Играя самоцветом огонька,
Дрожала капля в ковшике листка,
Мечтая о луче, о жарком брате.

Всплыла с другими дымкой в белом плато
И знала путь скитание, пока
Вся облачно-разливная река
Не засверкала в громовом раскате.

В твердыне тучи пламенный был взлом.
Из капель – грозное откровенье,
Из искры страсти – ста народов рденье.
Уступы гор должны дружить с орлом.

Из семени – безмерное растенье.
Из густков дымки – молния и гром.

14

Из сгустков дымки – молния и гром.
Из вещества – вся роскошь созиданий,
От камня и руды до нежных тканей,
Что мысль-паук тончайшим ткёт шатром.

Не скажет сказ, не описать пером,
Как соразмерна мудрость в ткацком стане,
Пробег заколдований в талисмানে,
Бесплотный свет сгущается ядром.

Челн, – поперек грядущего покрова, –
Крученьем соблюдая должный срок,
По вдольным нитям мысли – ткёт уток.

Костяк одет и ткань златолилова.
Зубчаты бёрда. Зевом шел челнок.
Желанна Духу крепкая основа.

15

Желанна Духу – крепкая основа.
Острийным взбегом ввысь красив собор.
Начало храма – каменный упор.
Пред взрывом слов – вначале было Слово.

Люблю разбег богатства травяного,
Святая степь – душевный мой простор.
Пою леса, поля, лазурь озер,
Все старое, что сердцу вечно ново.

Который год на берегу морском?
Который час на звездном циферблате?
Что́ знаю я? Мгновение – мой дом.

Есть златозернь. Земной расторгни ком,
Хоти, – и причастишься благодати.
Из сгустков дымки – молния и гром.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 4.

